

НБ ЛНУ ім. Івана Франка

I 115 450

115450

Иванъ Франко.

Н

На днѣ.

№ 47.

Издание Н. Парамонова „Донская Рѣчь
въ Ростовѣ на Дону.

9 коп.

В. Александровъ—Маршалацкіе въ древней Р.	15
В. Александровъ—Семскіе соборы древней Руси	10
В. В. Александровъ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ	15
В. М. Александровъ—Византизмъ и администр.	15
Александровъ—Большая конституція	7
М. П. Александровъ—Разказы. III т.	60
М. П. Александровъ—Самоуправленіе и земство	7
Е. В. Бугаевъ—Заря будущаго	25
Е. В. Бугаевъ—Японія и японцы	20
А. В. Бывова—Англія и англичане	15
В. П.—Большая французская революція	15
Бейеръ—Государство будущаго	10
В. Водонозовъ—Всеобщее избирательное право на Западъ	5
Гаутманъ—Томъ 2-й (Ткачи и Извозчикъ Геншель)	30
Феликсъ-Гри—Марсельцы	25
А. Гербуновъ—Гарантіи личной свободы въ Англіи	15
Гельдъ—Коллективизмъ	4
Голубевъ—Роль земства	10
Н. Дубровский—Июль 1830 г. во Франціи	7
С. Живаго—Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швейцаріи	6
Е. Звягинцевъ—Общественное движеніе въ Россіи	20
Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX вѣкѣ	20
Зомбартъ—Рабочее движеніе въ XIX вѣкѣ	20
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды	15
К. Каутскій—Ирландія	7
К. Каутскій—Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.	20
К. Каутскій—Развитіе формъ государства	7
К. Каутскій—Соціальная реформа	25
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв.	15
А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи	15
А. Кизеветтеръ—Деятельный вѣкъ въ исторіи Россіи	10
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ	8
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ)	10
В. Коношинъ—Бюджетный вопросъ въ государств. съ предст. правл.	10
Карѣевъ—Французскіе писатели XVIII в.	10
Котляревскій—Представительство совѣщательное	4
П. Лаконъ—Исторія французскаго народа	25
Лангманъ—Бартель Турезеръ, драма изъ рабочей жизни	15
Лассаль—Сущность конституціи (2 рѣчи)	8
Лассаль—Программа работниковъ	8
Либнехтъ—О надогахъ	5
Либнехтъ—Отъ обороны къ нападенію	10
В. Мянотинъ—На зарѣ русской общественности	15
Жилуновъ—Верховники и шляхетство	15
Марксъ—Гражданская война	10
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей	15
А. Пругавинъ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости	8
С. Прокоповичъ—Длина рабочаго дня по русскому законодательству	10
Прокоповичъ—Аграрное движеніе	10
Рожновъ—Исторія крѣпостнаго права въ Россіи	10
В. Стрелевъ—Московское Государство передъ реформами	20
Семевскій—Изъ исторіи общественнаго теченія въ 40-хъ г.	20
Б. С.—Трудъ и Капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политич. экономіи	10
С. Г. Сватиковъ—Созывъ народныхъ представителей	10
Стороженъ—Біографія Грановскаго	15
Шиппель—Профессиональные рабочіе союзы	10
В. Шерба—Исторія русской школы	10
Эрманъ-Шатрианъ—Исторія одного крестьянина	20
Энгельсъ—Жилищный вопросъ	10

Иванъ Франко.

На днѣ.

Разказъ.

2-е изданіе.

Изданіе „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова въ Ростовѣ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь“.
1906.

07251 - 26

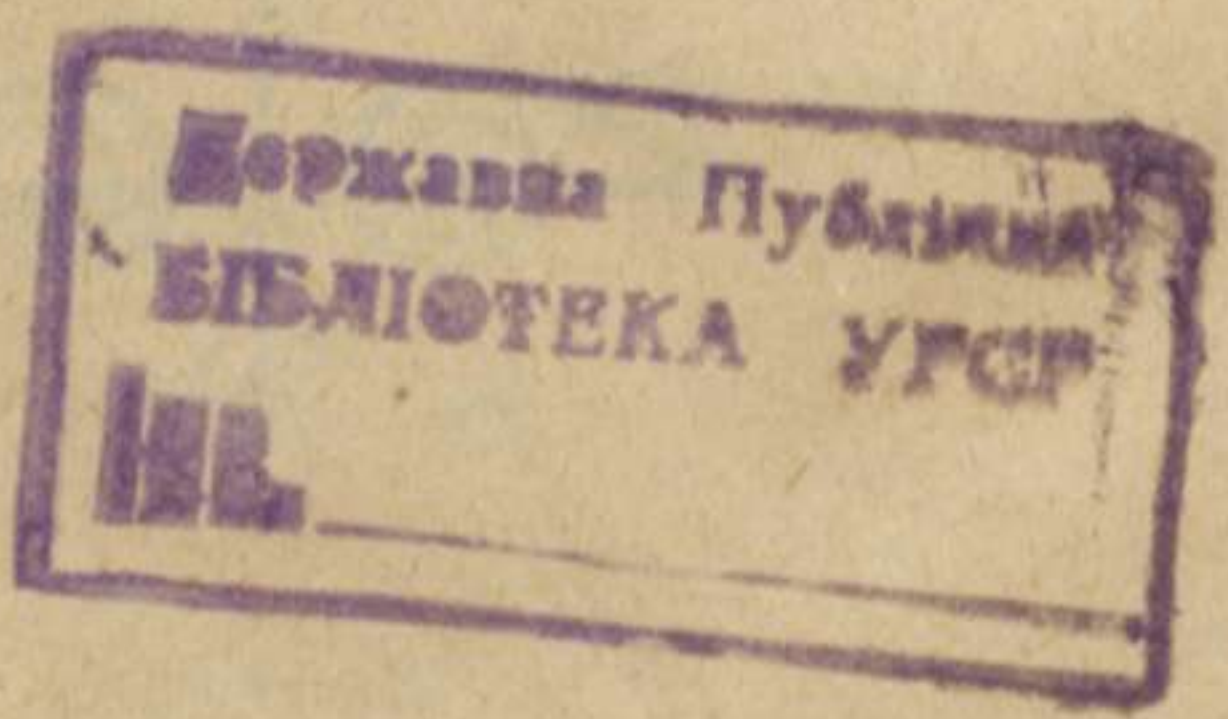
891.73

~~9/10~~

11545

Дозволено цензурою 4 апрѣля 1905 года. Ростовъ на Дону.

887

На джѣ.

I.

Однажды въ воскресенье, въ прекрасный весенній полдень, двое полицейскихъ, сидѣвшихъ въ «стражницѣ» ¹⁾ дорогобыцкой общины, были очень удивлены. Въ «стражницу» привели какого-то господина, молодого еще, средняго роста, въ запыленномъ, но довольно приличномъ костюмѣ.

— Откуда этотъ?—спросилъ капраль и смѣрилъ молодого человѣка съ головы до пятъ своими посоловѣвшими отъ пьянства глазами.

— Староство ²⁾ прислало, онъ пойдетъ «цюпасомъ» ³⁾, отвѣтилъ полицейскій, который привелъ господина.

— М-м-мъ,—промычалъ капраль и уставился глазами въ стоявшую передъ нимъ тарелку съ остатками мяса и салата, а потомъ нѣсколько поднялъ ихъ, чтобы полюбоваться «гальбой» ⁴⁾ пива, ждавшей своей очереди.

Полицейскій, между тѣмъ, вынулъ изъ-за пазухи бумагу и подалъ ее капралу. Это былъ приговоръ староства. Капраль взялъ бумагу въ руки, развернулъ, посмотрѣлъ тамъ и сямъ и началъ разбирать по складамъ фамилію приведеннаго «цюпасника», но не будучи, видимо, въ состояніи справиться съ этой работой, спросилъ его самого.

¹⁾ Стражница—отдѣленіе для приѣма арестантовъ.

²⁾ Староство—окружное правленіе; староста—начальникъ округа.

³⁾ Цюпасъ—этапъ.

⁴⁾ Гальба—кружка въ полштофа.

— А какъ васъ зовутъ?

— Андрей Темера.

— А откуда?

— Изъ Тернополя.

— Изъ Тернополя? Гмъ! А чего же это васъ занесло сюда изъ Тернополя? А?

Темера какъ будто и не слыхалъ этого вопроса, — стоялъ и разсматривалъ стражницу. Шляпу и пальто онъ положилъ на стулъ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? — спросилъ опять кап-
ралъ, уже нѣсколько грозно.

Темера спокойно и твердо отвѣтилъ:

— Это неважно.

Капралъ вытаращилъ на него глаза, — потомъ опомнился.

— Нѣтъ, позвольте, какъ неважно? извольте отвѣ-
тить на мой вопросъ!

— Это васъ не касается, вы не должны задавать
мнѣ объ этомъ вопросы.

Капралъ покраснѣлъ отъ злости, но прикусилъ языкъ.

— Да вы, молодой человѣкъ, слишкомъ умны, какъ
посмотрю на васъ. А какимъ ремесломъ балуете?

— Это ужъ мое дѣло, — отвѣтилъ Темера и принялся
ходить по стражницѣ, поглядывая въ окна на гимнази-
ческій садъ, залитый зеленью разныхъ деревьевъ. По
извилистымъ дорожкамъ сада ходили празднично одѣтые
люди разныхъ сословій, всѣ такіе веселые, свободные...
Оттуда слышался и дѣтскій звонкій смѣхъ, и женскіе се-
ребристые голоса, и какой-то нѣжный шопотъ изъ глу-
бины листвы, сквозь шумъ и шелестъ живой, роскошной
растительности. Облачко тоски и сожалѣнія пробѣжало
по красивому, молодому лицу Андрея, сердце его сжалось
отъ какой-то тревожной мысли, губы судорожно дрогнули,
а глаза такъ и впились въ это зеленое озеро, дышащее
нѣгой въ яркихъ солнечныхъ лучахъ.

— Ого, молодой человѣкъ, да вы, право, черезчуръ
даже умны, какъ я вижу, а вѣдь еще молоды, — говорилъ

капраль, подавляя злобу, и осушилъ полкружки пива.— Это нехорошо такъ рано умнѣть: такіе люди недолго живутъ. Ну, такъ не угодно ли вашей милости пожаловать въ нашъ «залъ»? У насъ тутъ есть для такихъ умныхъ господъ отдѣльный залъ, чудный залъ, ха-ха-ха!

Темера быстро обернулся. На лицѣ его видно было безпокойство.

— А господинъ инспекторъ скоро придетъ? спросилъ онъ.

— О, скоро!—отвѣтилъ насмѣшливо капраль.

— Такъ, можетъ быть, я подожду бы его здѣсь?— сказалъ Темера, не обращая вниманія на тонъ, какимъ было сказано это «скоро».

— Э, да все равно, здѣсь ли, тамъ ли,—отвѣтилъ капраль, только тамъ побезопаснѣе, тамъ для васъ, господинъ, самое настоящее мѣсто. Ну-те-ка, будьте любезны, потрудитесь.

— Но я бы просилъ оставить меня здѣсь, если можно, просилъ Темера.

— Нельзя, господинъ, никакъ невозможно,—говорилъ капраль слащавымъ тономъ, довольный, что можно было отомстить непокорному.

— Господинъ капраль,—вмѣшался полицейскій, сидѣвшій до сихъ поръ молча за столомъ,—да вѣдь тамъ тѣсно, восемь душъ! Не лучше ли оставить этого господина здѣсь, пока господинъ вахмистръ придетъ?

— А? что?—гаркнулъ капраль,—восемь душъ? А мнѣ какое дѣло? Гдѣ восемь, тамъ и девятый влѣзетъ. А впрочемъ, пусть и здѣсь остается, только на твоей отвѣтственности.

— На моей? Да что же я такое? Какъ я могу брать на свою отвѣтственность арестанта!

— Ну, если не можешь, такъ не суйся съ своимъ рыломъ, куда тебя не спрашиваютъ,—отбрилъ капраль, взялъ съ вѣшалки ключъ и пошелъ впередъ. Темера взялъ свою шляпу и пальто и пошелъ за нимъ.

Стѣны были невелики и вели съ одной стороны къ длинному, теребовльскими плитами мощеному крыльцу, а съ другой на коридоръ. Сверху лился яркій солнечный свѣтъ и достигалъ до самаго коридорнаго порога. Въ коридорѣ не было никого. Стѣны были чистыя, крашенныя, полъ каменный, потолокъ легкій, несводчатый,—все это придавало коридору довольно свободный, привѣтливый видъ. Идя мимо этихъ стѣнъ, размалеванныхъ зелеными цвѣтами и разводами, никому бы и въ голову не пришло, что за ними можетъ скрываться нѣчто скверное, нѣчто совершенно противоположное этому виду, нѣчто совсѣмъ противорѣчащее всякимъ понятіямъ о человѣческомъ жильѣ. Поэтому и нашъ Темера шелъ за капраломъ спокойно, нѣсколько задумавшись, но не о своей теперешней судьбѣ, а о какихъ то далекихъ, лучшихъ, прожитыхъ минутахъ.

За шагъ до порога капраль остановился и зазвенѣлъ небольшимъ желѣзнымъ замкомъ, висѣвшимъ у маленькой буковой, вымытой и почти неокованной двери. Онъ долго тормошилъ замокъ, пока воткнулъ ключъ въ скважину. Ключъ завизжалъ какимъ-то смѣшнымъ, веселымъ скрипомъ, замокъ звякнулъ, дверь отворилась, капраль отступилъ, взялъ за плечо Темеру и, подталкивая его передъ собой, сказалъ съ пьяной насмѣшкой:—Ну-съ, милости просимъ!

II.

Темера сразу остановился въ дверяхъ, какъ ослѣбѣлый. Густой мракъ смолой залилъ его глаза и на минуту ослѣпилъ ихъ совсѣмъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что это открылся передъ нимъ вдругъ входъ въ какое-то таинственное подземелье, о какихъ онъ читалъ въ старинныхъ повѣстяхъ. Внутри этой темной пещеры онъ сразу никого и ничего не могъ разглядѣть. Словно чья то невидимая сильная рука схватила его за грудь и остановила на порогѣ, не пуская дальше. Но видимая рука

капрала была, зная, сильнѣе и втокнула его внутрь, а потомъ заперла за нимъ дверь темной западни.

Темера стоялъ у двери, озираясь, и прислушивался, не раздастся ли человѣческой голосъ, но ничего не слышалъ. Наконецъ, нѣсколько погодя, глаза его настолько привыкли къ темнотѣ и напряглись, что могли уже лучше разсмотрѣть новое помѣщеніе. Это была канура не болѣе шести шаговъ длиной и четырехъ шириной, съ однимъ маленькимъ, рѣшетчатымъ окномъ. Окно это было прорублено очень высоко, чуть не подъ самымъ потолкомъ и выходило на крыльцо, но такъ, что видно было только сѣрую отъ времени дрань и балки крыши, нависшей надъ крыльцомъ. Солнце никогда сюда не заглядывало. Стѣны этой кануры были грязны и мерзки неописуемо, а внизу покрыты почти капавшей сыростью. Асфальтовый полъ былъ весь мокръ отъ разлитой воды, нанесенной, неизвѣстно съ какихъ еще поръ, грязи и плевковъ. Дверь съ внутренней стороны не была такой желтой и невинной, какъ снаружи,—напротивъ, она была черная отъ сырости и накрестъ окована двумя толстыми желѣзными полосами, а маленькая квадратная дыра, вырѣзанная для воздуха, была заткнута деревянной доской и забита скобой. Посреди камеры стояла узкая желѣзная кровать съ влажнымъ и грязнымъ, какъ и все прочее, матрацомъ, набитымъ перегнившей соломой, давно неперемѣнявшейся. Въ углу у стѣнки другая такая же кровать. Ни простыни, ни какой либо дерюги, ни обычной арестантской соломенной подушки не было. Воздухъ въ камерѣ былъ спертый и затхлый, потому что ни дверь ни окно не могли впускать столько свѣжаго воздуха, сколько было надо. А въ углу, у двери стояла обычная арестантская посуда «парашка», накрытая для видимости какой-то выщербленной, непристающей плотно крышкой, и отъ нея распространялась удушливая вонь, наполняла камеру и проникала все, окружала всѣ предметы въ этомъ адскомъ застѣнкѣ, обдавая ихъ какой-то атмосферой мерзости и проклятія. Тутъ же, близъ

этой посуды стояла другая—большой, ничѣмъ неприкрытый деревянный ковшъ съ водой—для питья!

Долго присматривался Темера, сильно напрягая свои непривычные глаза, пока разсмотрѣлъ всѣ эти предметы, словно издѣвавшіеся надъ нимъ своей неопрятностью, своей неестественной гадостью. Сердце его сжалось, будто въ ледяныхъ клещахъ; скверный, вонючій воздухъ забилъ духъ, и онъ закашлялся до слезъ.

Въ камерѣ никто не подавалъ голоса, хотя и слышно было сопѣнье нѣсколькихъ какъ бы придавленныхъ грудей. Темера принялся разсматривать своихъ товарищей по несчастью.

На матрацѣ, у стѣнки лежалъ, разстянувшись и попыхивая глиняной трубкой, старикъ лѣтъ пятидесяти, съ черной, кругло остриженной бородой, съ полнымъ, отекающимъ лицомъ, съ деревяшкой вмѣсто правой ноги. Это былъ, впрочемъ, плечистый, коренастый человѣкъ. Его рваная рубаха была грязна, какъ будто нѣсколько мѣсяцевъ не бывала въ стиркѣ. Онъ лежалъ, облокотясь, а ноги укрылъ грязнымъ холщевымъ кафтаномъ. Его небольшіе сѣрые глаза спокойно, немного даже насмѣшливо смотрѣли на арестанта-барчука.

Въ ногахъ старика, согнувшись вдвое, какъ собачка, лежалъ малый черноволосый мальчикъ въ черныхъ городскихъ штанахъ, въ грязной рубахѣ изъ тонкаго покупного полотна, немилосердно изодранной повсюду, такъ что изъ подъ лохмотьевъ вездѣ виднѣлось буро-коричневое тѣло. Лица его Андрей не могъ разсмотрѣть, такъ какъ онъ крѣпко спалъ и не проснулся даже отъ стука двери.

На другой кровати лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, крѣпкій, приземистый, съ бритой бородой и стриженными усами. Одѣтъ онъ былъ порядочно и еще не слишкомъ грязно,—видно было, что онъ еще недавно угодилъ въ это мѣсто «смрада и печали». Но его угрюмое лицо осунулось и потемнѣло какъ земля, глаза углубились, а мохнатая, крѣпкія руки постоянно сжимали невольно желѣзные прутья

кровати, какъ бы ища своей обычной работы. Онъ лежалъ лицомъ кверху и смотрѣлъ прямо въ потолокъ съ какимъ-то злобно-равнодушнымъ выраженіемъ и ни разу не взглянулъ на новаго гостя, пока тотъ самъ не заговорилъ съ нимъ.

Рядомъ съ нимъ, а скорѣе у него въ ногахъ, лежалъ на суконномъ зипунишкѣ, замѣнявшемъ подушку, молодой деревенскій паренекъ. Его небольшое, смуглое лицо сіяло здоровьемъ и той чудной, нѣжной красотой чертъ, которая часто встрѣчается среди нашего народа, живущаго въ непосредственномъ общеніи съ природой, матерью всякой красоты. Длинные, мягкіе волосы густой волной падали на его плечи, а спереди были подстрижены въ кружокъ. Большіе, блестящіе, черные глаза свѣтились дѣтскимъ незлобіемъ и любопытствомъ, разглядывая новаго товарища. Только мускулистыя, шершавыя, сильно развитыя руки и ноги свидѣтельствовали, что этотъ красавецъ-парень не въ холѣ выросъ, а въ тяжеломъ трудѣ, боролся долго и трудно за свое существованіе. Андрей, очень впечатлительный ко всякой красотѣ, долго не могъ отвести глазъ отъ этаго прекраснаго лица, тѣмъ болѣе превосходившаго красотой многія красивыя лица, что его освѣщалъ природный умъ, пытливость и чистое неиспорченное чувство.

Прочіе жители этого «зала» должны были ютиться на полу. Андрей быстро окинулъ взглядомъ этихъ несчастныхъ, разбросавшихся на мокрыхъ, загрязненныхъ, скользкихъ отъ невысыхающихъ плевковъ, асфальтовыхъ плитахъ. Тамъ, къ стѣнѣ, у самой двери лежалъ старый еврей съ необычайно худымъ и жалкимъ лицомъ, сухими, какъ грабли, руками и съ космами сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ. Голова его коротко остриженная, покоилась на мокрой плитѣ, свѣсившись тяжело, а на длинной, тонкой шеѣ надулись жилы, какъ натянутыя веревки. Онъ крѣпко спалъ съ раскрытымъ беззубымъ ртомъ, храпѣлъ какъ надрѣзанный, а изо рта текла на бороду слюна. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ какой-то пьяный, оборванный мужикъ въ безполой сермягѣ, въ сапогахъ, привязанныхъ веревоч-

ками, въ облѣзшей барашковой шапкѣ, въ полотняныхъ штанахъ безъ одной штанины; вмѣсто ремня онъ былъ подпоясанъ лыковымъ жгутомъ. Сидя на полу, онъ тихо всхлипывалъ, словно только что пересталъ плакать.

По другую сторону кровати, у стѣны противъ двери лежалъ какой-то еще молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе 28—30, съ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, съ совсѣмъ свѣтлой бородой, съ синими глазами и съ короткими, русыми волосами на головѣ. Его борода, повидимому, давно не знала ни гребня ни ножницъ и торчала всклокоченная, какъ разрушенное гнѣздо дрозда. На этомъ человѣкѣ было напутано и навѣшено столько всякаго тряпья, что, лежа на полу, онъ казался кучей портянокъ, дышащей глубокимъ, тяжелымъ дыханьемъ въ этой переполненной и давно непровѣтривавшейся канурѣ.

Андрей Темера тревожно, съ болью въ сердцѣ, долго блуждалъ взглядомъ по этимъ тѣламъ, по этимъ человѣческимъ лицамъ и не зналъ, что думать, что говорить. Столько жгучаго, неожиданнаго и таинственнаго горя шевелилось передъ его глазами въ этой темной, отвратительной клѣткѣ!.. Вѣдь это все передъ нимъ—люди, его братья, способные такъ же, какъ и онъ, чувствовать и прелесть и мерзость жизни! А тѣ, которые заперли ихъ сюда и держатъ въ этой омерзительной ямѣ,—вѣдь и тѣ тоже люди, отцы семействъ, зарабатывающіе хлѣбъ, и тоже способны, какъ и онъ, чувствовать прелесть и мерзость жизни! Какъ же это такъ, что вдругъ онъ видитъ такую страшную пропасть между людьми и людьми? Что же это такое?... Андрей опустилъ голову и плечи, словно подъ тяжелымъ ударомъ. Ему сдѣлалось въ эту минуту такъ тяжело, такъ безгранично холодно и тѣсно сердцу, какъ будто его кто-то бросилъ вдругъ съ привольнаго яснаго свѣта въ глубокій колодець, и онъ упалъ туда на дно разбитый, ошеломленный.—Да я въ самомъ дѣлѣ *на дни*,—думалось ему,—на днѣ общества, а вотъ эти вокругъ меня кто же они, какъ не подонки общества, какъ не

проклятые паріи ¹⁾, заклеянные страшнымъ, позорящимъ клеймо—нужды?...

III.

— А вы, баринъ, откуда?—первый спросилъ Андрея старикъ.

— Изъ Тернополя.

— Ишь ты! да какъ же это случилось, что васъ сюда пригнали..

— А вотъ такъ и случилось. Я кончилъ ученье во Львовѣ, ну, и уѣхалъ сюда въ деревню къ одному товарищу заниматься съ нимъ. Но, конечно, когда человекъ за собой ничего дурного не чувствуетъ, то и не предвидитъ бѣды. Не взялъ я съ собой никакихъ документовъ, ни паспорта, какъ есть ничего,—ну, а тутъ вдругъ приѣзжаемъ, встрѣчаютъ насъ на пути жандармы, начинаютъ меня допрашивать, откуда и зачѣмъ,—увидали, что у меня нѣтъ документовъ, да и отвели меня сюда, въ староство—говорятъ, что собираются меня отправить по этапу на родину. Вотъ такъ-то со мной вышло!

— Н-ну, и дѣла!—сказалъ старикъ,—вотъ видите, баринъ, и со мной въ родѣ вашего вышло. Я, если знаете, изъ Волощи—деревня тутъ такая, совсѣмъ поблизу. Служилъ въ солдатахъ... ногу вотъ потерялъ въ Ниталии ²⁾, ну, а какъ былъ уже негоденъ къ службѣ, отпустили меня. Пришелъ я домой на деревяшкѣ, нѣтъ у меня ничего... хошь,—милостыни проси, хошь,—съ голоду пропадай, все равно. А тутъ, видите ли, силу въ себѣ еще чувствуешь, стыдно побираться, а пахать безъ ноги некуда. Пошелъ я въ Борыславъ. Тамъ работа не такая, стоячая, у воротила. Работалъ я тамъ лѣтъ десять, почитай... такъ, зарабатывалъ, лишь бы перебиваться... Да все же, сказать правду, иной разъ и не доѣшь, а все отложишь да прип сешь

¹⁾ Паріи—отверженные, презираемые безправные люди въ Индіи, не принадлежащіе ни къ какому сословію.

²⁾ Въ Италіи.

малость на черный день, да на старость лѣтъ... Ну, денежка къ денежкѣ, кое что скопилось и одежонки прибавилось немножко... Извѣстно, пока живь, о жизни и думаешь... Вдругъ посѣтилъ Господь меня болѣзнью... свалило меня, да такъ сразу, какъ будто косою подрѣзало. Прележалъ я шесть мѣсяцевъ у еврея въ какой-то клѣтушкѣ... еще хорошо, что не зимой... Выхожу, какъ разъ первый снѣгъ. Что тутъ дѣлать?... Деньги за это время всѣ спустилъ, одежду пришлось заложить... тутъ бы полежать еще по слабости, а тутъ съ квартиры гонять, нечѣмъ платить... пошелъ бы на работу—силъ не хватаетъ... Вотъ горе-злосчастье! Что тутъ мнѣ дѣлать? Вижу я, какъ ни вертись, а ничего не подѣлаешь, взялъ я—стыдно не стыдно—сшилъ себѣ котомку да и пошелъ въ кусочки. Ну, слава Богу, прожилъ я какъ-то тяжелую зиму, хотѣлъ вотъ весной опять вернуться на работу, какъ вдругъ встрѣчаютъ меня жандармы, вотъ за майданомъ ¹⁾.

«Ты это откуда, дзяду²⁾?»

— Да вотъ, говорю, изъ Волощи.

«Что?—говорятъ,—развѣ ты не знаешь, что теперь запрещено чужимъ нищимъ по деревнямъ ходить? Каждая деревня должна сама своихъ нищихъ содержать, а бродяжничать не позволяется». Да я, говорю, не нищій, я такъ только нѣсколько разъ пошелъ попросить кусочекъ хлѣба, вотъ боленъ былъ, не могъ работать...

Какое тамъ! не дали и договорить... еще одинъ, царствіе ему небесное, далъ такого подзатыльника, что, я, какъ говорится, «лысаго вола увидалъ», да и потащили въ старство. А тамъ господинъ исправляющій должность—самого старосты не было—даже не выслушалъ меня, а отправилъ въ «малый судъ» за бродяжество.

Приговорили меня къ двумъ недѣлямъ ареста, а потомъ чтобъ «цюпасомъ» въ деревню. Да вотъ я ужъ и отсидѣлъ эти двѣ недѣли, а меня потомъ перевели сюда,

¹⁾ Майданъ—рынокъ, тюремный кабакъ.

²⁾ По польски—дѣдъ, а также нищій.

такъ я тутъ, слава Тебѣ, Господи, и кисну; въ пятницу вотъ полтора мѣсяца исполнится. Оно это считается, будто не наказаніе, а тутъ, сохрани Богъ, чтобы и наказанія такія бывали!.. Сущій адъ, а то и похуже ада! И неизвѣстно, до какихъ поръ это еще протянется, они тутъ что-то не очень спѣшатъ, пожалуй, и думать забыли.

— Ну, какъ-же вы тутъ сидите, неужели безвыходно?—спросилъ Андрей,—на прогулку не пускаютъ?

— Э, какія тутъ прогулки!—отвѣтилъ старикъ, улыбаясь,—а пускать пускаютъ... каждое утро ходимъ улицы подметать.

— Всѣ?

— Нѣтъ, вотъ я и Мытро, вотъ этотъ малый бойчукъ ¹⁾, да еще Стебельскій, вонъ тотъ въ лохмотьяхъ, а больше никто.

— Ну, а какъ же остальные? такъ никогда и не выходятъ на свѣжій воздухъ?

— Да, не выходятъ, развѣ вотъ этотъ хозяинъ иногда ходитъ въ городъ за хлѣбомъ. Ну, а вотъ этого стараго еврея и вонъ ту плачущую Магдалину въ полтора штанахъ да въ половинѣ сермяги всего только сегодня привели, такъ я еще не знаю, что съ ними будетъ. Да вотъ еврей, такъ онъ ужъ отсидѣлъ тамъ въ Борыславѣ что-то мѣсяца два до «цюпаса»,—говоритъ, будто его бумаги уже получены, такъ завтра-послѣ завтра, пожалуй, пойдетъ. Мы съ нимъ хорошо знакомы, вертѣлъ бѣдняга вмѣстѣ со мной коротило въ Борыславѣ не одинъ годъ! А теперь, видите ли, гонятъ всѣхъ изъ Борыслава «цюпасомъ», у кого книжки паспортной нѣтъ. Такъ и его поймали.

Андрей посмотрѣлъ на жалкое изможденное лицо еврея, которое, казалось, состояло изъ прутьевъ, обтянутыхъ бурымъ морщинистымъ сафьяномъ. Тяжелое хрипѣнье въ груди предвѣщало, что этому человѣку недолго оста-

¹⁾ Мальчикъ изъ бойковъ; бойками называю ть крестьянъ-русиновъ въ одномъ изъ восточныхъ округовъ Галиціи.

лось жить на свѣтѣ, а вся его фигура слишкомъ ясно указывала на то, что и прошлая его жизнь была не жизнью, а вѣчной нуждой и прозябаньемъ.

— Это душа-человѣкъ,—продолжалъ старикъ,—золотое сердце. Самъ хоть въ какой бѣдѣ, а никогда не станетъ при другихъ плакаться на свое горе, за то ужъ другого всегда пожалѣетъ и пособитъ чѣмъ только можетъ, какъ братъ родной. Такихъ евреевъ вы немного найдете, право, немного. Оно, конечно, выросъ среди нашихъ, бѣдствовалъ, работалъ сызмальства, какъ и нашъ братъ, такъ теперь, если бы не эта борода, не пейсы да не лапсердакъ, никто бы по его натурѣ не сказалъ, что онъ еврей!

— Ну, а какъ же вы тутъ живете?—спросилъ Андрей, все присматриваясь къ этой камерѣ, къ которой глаза его начали уже постепенно привыкать. Онъ увидѣлъ желѣзную печку, замазанную наполовину въ стѣну у изголовья той кровати, на которой лежалъ старикъ, а на печкѣ увидѣлъ большой ржаной хлѣбъ, какой приносятъ ежедневно торговки изъ предмѣстья на дрогобыцкій базаръ.

— Да какъ живемъ,—отвѣтилъ старикъ,—хлѣбъ жуемъ; да и только всего.

— Одинъ хлѣбъ?

— Одинъ хлѣбъ.

— А горячаго ничего?

— Эхъ, милый баринъ! Вотъ ужъ, съ Божьей помощью, скоро полтора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ у меня во рту не бывало ничего горячаго! Да откуда оно возьмет-ся? Даютъ тебѣ 14 крейцеровъ ¹⁾ въ день, что же за нихъ купишь? За 10 кр. хлѣба на день мало, а тутъ бы еще соли купить, да луку хоть изрѣдка, вотъ и конецъ деньгамъ. Вонъ, смотрите, покупаю черезъ день по такому хлѣбу,—20 кр. стоитъ,—иногда мнѣ отъ него остается кусокъ на третій день, тогда ужъ покупаю сыръ къ луку.

¹⁾ Крейцеръ—австрійская мѣдная монета около $\frac{3}{4}$ копеекъ.

Еслибъ были деньги, можно бы купить на базарѣ теплыхъ рубцовъ, да что подѣлаешь, когда чашка-то съ ладонь, а пять крейцеровъ стоитъ, нешто я ими наѣмся?—ужь лучше я луку себѣ куплю, за пятакъ цѣлую связку, хватить на весь день къ хлѣбу. А вотъ другіе, не сглазить бы, и того не имѣютъ; какъ возметъ каждый изъ нихъ такой хлѣбецъ за 10 кр. съ утра въ свои руки, такъ и не выпустить, пока не съѣстъ до послѣдней крошки, а потомъ и ждетъ опять до утра. Только вотъ этотъ бойчукъ дѣлаетъ такъ, какъ я, беретъ одинъ большой хлѣбъ на два дня, ну, такъ ему еще кое-какъ хватаетъ.

Но онъ бы могъ и лучше устроится, онъ вѣдь не можетъ ѣсть сухого хлѣба, да вотъ эти—старикъ ногой указалъ на спящаго мальчика напротивъ—эти забираютъ у него. Свой-то съ утра съѣдятъ, а потомъ съ полдня къ нему, точно въ собственную кладовую: — Мытро, давай хлѣба!—А онъ, дуракъ, и даетъ.

— Да что же я хлѣбъ буду прятать, а они голодать будутъ!—отозвался звонкимъ голосомъ Мытро, и кроткая улыбка разлилась по его прекрасному лицу и заискрилась въ его большихъ глазахъ придавая имъ еще болѣе прелести и обаянія.

— Ну, ну, ты, дурачекъ, посмотриль бы ты, что бы они тебѣ сказали если бы у нихъ было, а ты бы голодалъ. Выпросилъ бы ты у нихъ, да развѣ что камень, голову проломить!

— Такъ что,—сказалъ просто Мытро,—такъ я бы и не просилъ у нихъ.

— А ты здѣсь за что?—спросилъ Андрей Мытра, оборачиваясь къ нему,—за что тебя сюда затащили? Кому ты голову проломилъ?

Мытро засмѣялся.

— Да никому,—сказалъ онъ, растягивая по-бойковски звукъ «а»,—меня взяли изъ Борыслава за то, что книжки нѣтъ у меня.

— А ты откуда?

— Да изъ Дзвинячаго. Мама умерли ¹⁾ еще въ «коляру» (холеру), а тато (тятя) потомъ стали пить, продали землю, потомъ и избу заложили, а прошлой осенью взяли да и померли. А мнѣ то что было дѣлать? Шли наши парни въ Борыславъ, вотъ и я съ ними. Ну, да что я тамъ заработаю? Ни договориться не умѣю, ни потянуть хорошенько нѣтъ силы, вотъ развѣ мельничку вертѣть или изъ бадьи выбирать,—ну, такъ за это платили по сорока, самое большее по пятидесяти крейцеровъ въ день. Перезимовалъ я тамъ кое-какъ, а на весну хотѣлъ пойти куда-нибудь служить, какъ вдругъ меня взяли.

— И давно ты сидишь?

— Да вотъ ужъ мѣсяць,—сказалъ Мытро спокойно своимъ ровнымъ, звонкимъ почти дѣтскимъ голосомъ,—мы тутъ всѣ изъ Борыслава,—продолжалъ онъ,—только Стебельскій не оттуда.

— Ну, этотъ, правду сказать, самъ себѣ нашель бѣду,—сказалъ старикъ съ печальной улыбкой.—Ученый человѣкъ, «гимназію» кончилъ, всѣ классы прошелъ, да только, видите-ли, здѣсь (старикъ похлопалъ ладонью полбу) чего-то ему не хватаетъ. Былъ онъ писцомъ въ Самборѣ при старвствѣ, потомъ у какого-то адвоката, а тамъ и вовсе опустился.

— Дѣдъ, дѣдъ,—прервалъ его вялый, какъ-бы полусонный голосъ Стебельскаго,—говорите же правду! Что это значить «вовсе опустился»? Какъ же это я такъ вовсе опустился?

Старикъ улыбнулся.

— Да вотъ, видите-ли,—сказалъ онъ Андрею,—начало его что-то грызть и мозжить внутри. «Что это, говорить, я такое дѣлаю? Вотъ я здѣсь пишу, а куда мое писанье годится? Отъ него только люди плачутъ да клянутъ судьбу. А я еще съ нихъ же за это деньги беру!»

¹⁾ Украинскіе крестьяне всегда, упоминая объ одномъ изъ родителей, говорятъ о нихъ во множественномъ числѣ, часто даже „мои мамо“, „мои тато“.

Ну, и такъ ему отъ этихъ людскихъ слезъ опостылѣло писанье, что взялъ да и бросилъ. Господское платье свое продалъ, да и сталъ самъ себѣ все дѣлать. Посмотрите-ка на его мундиръ! Это онъ самъ себѣ такое спортняжилъ!

— Человѣкъ, который не можетъ самъ себѣ довлѣть,—проговорилъ опять Стебельскій,—принужденъ одолжаться у другихъ. А кто одолжается, тотъ должникъ... долги надо отдавать. А если кому нечего отдать и не знаетъ какъ отдавать? А тутъ кредиторы—мужики, бабы... плачутъ, проклинаятъ! Ночью спать нельзя... страшно... все слышишь плачъ да проклятiя! А пуще всего эти дѣти—такія жалкія, голыя, опухшія... и не проклинаятъ, а только плачутъ да умираютъ. Какъ мухи мрутъ... Я цѣлыхъ два года ни на волосъ не могъ заснуть, все слышалъ по ночамъ этотъ плачъ. Долженъ былъ все бросить. А какъ началъ самъ себѣ довлѣть, то и легче стало.

— Какъ же это вы сами себѣ довлѣете?—спросилъ его Темера.

— Какъ?—и Стебельскій обратилъ свои вялые глаза на него,—очень просто. Дѣлаю только то, что идетъ на пользу: копаю, воду ношу, скотъ пасу. Ымъ только то, что заработаю. Одѣваюсь въ то, что самъ себѣ сошью. Сплю на землѣ. А самое первое дѣло—не ѣсть мяса и не брать пера въ руки. Потому что мясо приводитъ человѣка къ дикости, а перо въ рукахъ человѣческихъ становится страшнѣе, чѣмъ львиные когти, тигровые зубы и змѣиный ядъ.

— Ну, вотъ видите,—сказалъ старикъ, когда Стебельскій кончилъ свою рѣчь,—все у него этакія вещи въ головѣ скачутъ. Ну, а такъ онъ парень здоровый. И работающій, грѣхъ что сказать, и душа-человѣкъ! Онъ ужъ коли что дѣлаетъ, то всю душу свою туда вкладываетъ. Такъ вотъ, говорю я, бросилъ онъ барство и нанялся къ какому-то хозяину на службу. Да что! и тамъ не могъ долго выдержать.

— Ну, а какъ же выдержать,—сказалъ Стебельскій равнодушно,—когда хозяинъ-богачъ понанималъ слугъ, самъ ничего не дѣлаетъ, а слугу, чуть что, бацъ по уху!

115450

— Вотъ съ нимъ вездѣ этакъ было!—сказалъ старикъ, смѣясь,—совсѣмъ такъ, какъ въ пословицѣ, дурака и въ церкви бьютъ. А жаль его! Ученый человѣкъ, изъ духовныхъ. И книжки еще у него есть свои, отъ чтенія еще не далъ зарока. Даже сюда съ собой привезъ, да полицейскіе отняли.

— Такъ откуда же онъ сюда пріѣхалъ?

— Да, понимаете, изъ Самбора. Тамъ, въ Самборѣ жилъ онъ себѣ долго и никто его не трогалъ, какъ вдругъ весной въ этомъ году услыхалъ онъ какъ-то о призывѣ, что запасныхъ собираютъ на ученье. А онъ, видите-ли, изъ здѣшняго округа родомъ, вотъ и собрался, пріѣхалъ сюда, къ воинской службѣ, значить, являться. А у него даже есть уже отставка, еще съ тѣхъ поръ, какъ пальцы отморозилъ.

— Какъ же это онъ пальцы отморозилъ?

— Я вѣдь вамъ говорилъ, что у него въ головѣ... того... ну, — рассказывалъ онъ мнѣ какъ-то самъ, — иду я разъ зимой, а морозъ трескучій; иду я въ Самборъ изъ одной деревни, а на дорогѣ лежитъ какое-то желѣзо, кусокъ болта, что-ли. Э, говоритъ, думаю, кому-то потеря, надо отнести въ полицію, пусть объявятъ. Взялъ это онъ, дуракъ, желѣзо голой рукой да и тащилъ больше мили...

— Полторы мили,—поправилъ его равнодушно Стебельскій, который, лежа на полу, слушалъ этотъ рассказъ. Андрей оглянулся на него, а старикъ рассказывалъ дальше, какъ будто ему не было никакого дѣла до того, что Стебельскій слушалъ его рассказъ:

— Приносить въ полицію, а тамъ его подняли на смѣхъ. А потомъ хотятъ взять отъ него желѣзо, не тутъ то было! такъ и пристыло къ рукѣ. Сейчасъ его въ госпиталь, да что, ничего не подѣлаешь, пришлось доктору отрѣзать у него пальцы.

Стебельскій, какъ бы въ подтвержденіе этого рассказа, поднялъ вверхъ правую руку, на которой всѣ пальцы были отрѣзаны по первый суставъ.

— А жаль его, ученый человѣкъ и никому зла не

дѣлаеть, смиренный. Тоже и его должны отправить на родину, вотъ ужъ мѣсяць сидить. Да еще мало того, что держатъ его въ такомъ мученіи, даютъ ему по 14 крейцеровъ изъ его же собственныхъ денегъ. Потому, какъ поймали его полицейскіе, на самомъ вокзалѣ, чуть только пріѣхалъ, такъ и отняли у него отставку и 39 гульденовъ, а теперь на эти деньги его кормятъ.

— И свидѣтельство отъ гимназіи изъ восьмого класса,—дополнилъ Стебельскій,—три книги, 39 гульденовъ и свидѣтельство отъ гимназіи изъ восьмого класса,—бормоталъ онъ еще разъ, какъ будто твердилъ эту фразу наизусть. Потомъ приподнялся на полу, сѣлъ и, повернувшись своимъ свѣтлымъ, безцвѣтнымъ и невыразительнымъ лицомъ къ Андрею, спросилъ:

— А, господинъ... понимаетъ по-латыни?

— Понимаю.

— А по-нѣмецки?

— Понимаю.

— А вы... вы знаете исторію Гиндели,—ее у меня отняли,—три тома: исторія древности, исторія среднихъ вѣковъ и исторія новѣйшаго времени.

— Ученый человѣкъ... умная голова,—бормоталъ про себя старикъ,—и жаль его, что такъ пропалъ! Это ужъ такая вся ихняя фамилія... и мать-покойница такъ-то пропала.

— А какую школу кончили, господинъ?—спрашивалъ дальше Стебельскій.

— Я былъ во Львовѣ на философскомъ отдѣленіи.

— Значитъ, высшую философію?

— Нѣтъ,—сказалъ Андрей,—философія одна, нѣтъ ни высшей, ни низшей, развѣ менѣе ложная и болѣе ложная,—впрочемъ, и то еще Господь его вѣдаетъ!

Стебельскій слушалъ эти слова, вытаращивъ глаза, какъ-будто не понималъ изъ нихъ ни одной іоты, потомъ склонилъ голову и легъ на мокрый отъ плевковъ полъ

IV.

— А вотъ этотъ мальчишка,—сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія, указывая ногой на спящаго на его кровати черноволосаго мальчика,—это уже здѣшній. Это видно, изъ тѣхъ, «карманннхъ мастеровъ», не знаю, зачѣмъ и на какой конецъ его тутъ держать. А сидитъ уже недѣли двѣ. Такъ, что ли, Мытро?

— Да, вотъ завтра акуратъ двѣ недѣли,—подтвердилъ Мытро.

— Кто его знаетъ, что ему будетъ, потому что его еще ни разу не звали «на протоку» (протоколь).

— Ни разу не звали—за двѣ недѣли?!—вскричалъ Андрей.

— Такъ и не звали. Сидитъ и сидитъ, и ни одна собака не тьякнетъ, а господину директору и горюшка мало... ну, а вотъ тотъ другой,—это нашъ хозяинъ, этотъ уже здѣсь зазимуетъ.

— Какой другой?—спросилъ Андрей, не видя никого больше.

— А есть у насъ тутъ еще одинъ «бургеръ» ¹⁾. Встань-ка, ты, лежень! ну, пошевелись, гнилушка!

На этотъ вызовъ старика что-то зашевелилось въ совершенно темномъ углу кровати и оттуда, какъ изъ могилы, медленно поднялась какая-то страшная фигура, словно выходецъ съ того свѣта. Это былъ парень лѣтъ 24, средняго роста, широколицый, съ плоскимъ, какъ бы приплюснутымъ лбомъ, съ небольшими черными усами и бородой, съ длинными всклокоченными волосами, придававшими еще болѣе страшный видъ его и безъ того страшному, дикому лицу. Его глаза, большіе и неподвижные, свѣтились мертвымъ, стекляннымъ блескомъ, блескомъ сырого, гнилого дерева, тлѣющаго въ темнотѣ. Цвѣтъ лица у него, какъ и у всѣхъ жильцовъ этой норы, былъ землистый, только у этого несчастнаго лицо, очевидно, давно было немыто, и грязь корой покрывала его виски. Онъ

¹⁾ Бургеръ—гражданинъ.

былъ почти совсѣмъ голый, такъ какъ трудно было назвать одеждой рубашку, отъ которой только и осталось на немъ что воротникъ, рукава, да длинный лоскутъ, висѣвшій отъ плечъ до поясницы. Больше на немъ не было ничего. Андрей даже задрожалъ отъ состраданія и отвращенія, увидя это до крайности заброшенное и одичалое человѣческое существо. Да не даромъ же оно одичало! Посмотрѣвъ еще разъ внимательно на этого чело-вѣка, Андрей увидалъ, что ноги у него распухли, какъ бо-ченки, и блестѣли синеватымъ свѣтомъ, свойственнымъ водянкѣ. Животъ его точно такъ же былъ страшно увели-ченъ и раздутъ и напомнилъ Андрею тѣхъ американскихъ дикарей, которые землю ѣдятъ и которыхъ изображенія съ такими же страшно раздутыми животами онъ когда-то ви-дѣлъ. Только сильныя и здоровыя руки указывали на то, что это чело-вѣкъ рабочій, хотя какой-то несчастной судьбой оторванный отъ труда и брошенный сюда на свою гибель.

— Вотъ посмотрите, это нашъ «бургеръ», а вѣр-нѣе Бовдуръ¹⁾,—сказалъ старикъ, — онъ Бовдуръ по про-званью. Онъ здѣсь въ камерѣ хозяинъ, потому что здѣсь такой обычай, что если кто дольше всѣхъ сидитъ въ ка-мерѣ, тотъ становится хозяиномъ. А онъ тутъ, слава Бо-гу, перезимовалъ. Смотрите, какъ откормился! Красивъ, не сглазить бы! Мы его такъ и держимъ на показъ, а то, по-жалуй, и купилъ бы кто-нибудь на убой! Теперь мы его да-же мало и кормимъ, лежитъ себѣ да лежитъ, потому, ви-дите-ли, такъ откормился, что даже на ногахъ едва стоитъ. Только если что ужъ руками сцапаетъ, то и его,—о, руки у него еще крѣпкія, но это пустяки, съ лѣтами пройдетъ!..

Всѣ въ камерѣ захохотали отъ этихъ шутокъ ста-рика, кромѣ Андрея и Бовдура. Послѣдній все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ впервые показался Андрею, сто-ялъ, шатаясь, на своихъ толстыхъ, опухшихъ ногахъ,— стоялъ и туно смотрѣлъ, какъ будто обдумывая какой то

¹⁾ Бовдуръ—значить „дубина“, „чурбанъ“, „болванъ“, очевидно уличная кличка.

смѣлый поступокъ, а сквозь его открытыя синія губы видны были стиснутые зубы, какъ будто онъ собиралъ всѣ свои силы, чтобы рѣшиться на задуманный поступокъ. Глазами онъ медленно водилъ по камерѣ, хотя взглядъ его все останавливался на человѣкѣ, лежавшемъ вверхъ лицомъ на кровати и дремавшемъ подъ негромкѣй говоръ.

— Онъ у насъ ни въ городъ не ходитъ,—продолжалъ старикъ,—ни на работу; сначала самъ не хотѣлъ, а теперь, пожалуй, и захотѣлъ бы, такъ не пустятъ.

— Какъ бы не такъ, я и самъ не хочу!—отозвался хриплымъ голосомъ Бовдуръ,—чортъ ихъ поberi съ ихъ работой! Кто мнѣ за нее заплатитъ?

Сказавъ это, Бовдуръ перешагнулъ черезъ спящаго на полу стараго еврея; переступилъ чверезъ хнычущаго мужика и нетвердымъ шагомъ пошелъ къ ковшу, поднялъ его вверхъ, какъ перышко, выпилъ воды, потомъ залустилъ руку подъ голову дремлющаго мужика, досталъ небольшую глиняную трубку, выкорпалъ изъ нея остатки прокуренаго табаку, такъ называемую «багу», всыпалъ ее себѣ въ ротъ и началъ медленно жевать, сплевывая время отъ времени какую-то черную мазь, прилипавшую къ стѣнамъ и къ полу. Исполнивъ это смѣлое дѣло, онъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ, сталъ посреди камеры и махнулъ рукой:

— Вотъ и не пойду на ихъ работу! Чорта лысаго пусть съѣдятъ! Лучше тутъ и сгнію, а не пойду!—при этихъ словахъ онъ опять сплюнулъ черной мазью какъ разъ надъ лицомъ спящаго еврея.

— Да за что же тебя тутъ держать такъ долго?—спросилъ дрожащимъ голосомъ Андрей. Бовдуръ уставился на него какъ то дико, словно Андрей этимъ вопросомъ тронулъ его въ очень больное и неприкосновенное мѣсто.

— Держать, потому что держать!—буркнулъ онъ, а потомъ прибавилъ:—хотятъ меня вести «цюцасомъ» въ ту деревню, гдѣ я родился, а я имъ говорю: я ни въ какой деревнѣ не родился.—А гдѣ же ты родился?—Я родился въ городѣ.—Ну, такъ на чьей землѣ эта дорога?—Та до-

рога ни на чьей землѣ, она сама не земляная: я родился на водѣ, когда моя мать паромомъ Днѣстръ переплывала.—А гдѣ же этотъ паромъ?—Должно быть сплылъ по рѣкѣ, за пазухой у меня его навѣрное нѣтъ.—Ну, а гдѣ ты крещень?—Я этого не помню,—подите спросите тѣхъ, кто меня крестилъ, да счастья долю стнялъ.—Ну, а гдѣ ты росъ?—Среди злыхъ людей.—Да въ какой деревнѣ?—Они въ каждой злые!

Вотъ каковъ былъ мой протоколъ. Больше ничего не спрашивали, только приказали привести сюда, да тутъ слава Богу, заперли, какъ запечатали, и больше уже не надоѣдаютъ никакими этакими дурацкими вопросами.

Бовдуръ опять плюнулъ, опять перешагнулъ черезъ хныкающаго мужика и спящаго еврея и потонулъ въ своемъ углу, покрывъ ноги какимъ-то рванымъ мѣшкомъ.

Андрею сдѣлалось еще страшнѣе, когда онъ выслушалъ рассказъ Бовдура. Что же дала жизнь этому человѣку? Какія могутъ быть у него воспоминанія, какія надежды? Онъ попробовалъ поставить мысленно себя самого въ это безпросвѣтное положеніе и почувствовалъ, что мысли его мутятся, что онъ скоро задохнулся бы въ этой ужасной безднѣ.

Конечно, раздраженное воображеніе Андрея много прибавляло тутъ злого и недобраго, рисовало ему сироту подкидыша, у всѣхъ на побѣгушкахъ, кому только подъ руку подвернется, забитаго и загнаннаго съ малыхъ лѣтъ чловѣческимъ презрѣніемъ, незнавшаго на своемъ вѣку ни радости, ни дружбы, ни любви. А между тѣмъ, это было хотя и правда, но не совсѣмъ. И у Бовдура были минуты счастья и любви, и у него были искренніе друзья, такіе же безвыходные горемыки и сироты, какъ и онъ,—ну, да все это теперь покрылось густымъ слоемъ одичалости и забвенія, и мысль его, какъ проклятая, вертѣлась между коробкой «баги» и кускомъ хлѣба и не касалась ни прошлаго, ни будущаго. А господамъ «инспекторамъ» не къ спѣху было выпускать его,—такъ и сидѣлъ Бовдуръ, забытый Богомъ и людьми, сидѣлъ и опухалъ, и гнилъ заживо, забывая все, что когда-то его въ мірѣ окру-

жалю, и, по мѣрѣ упадка силъ, проникался все большимъ и большимъ отвращеніемъ къ труду.

— Такъ онъ живетъ сухимъ хлѣбомъ? — спросилъ Андрей старика.

— Однимъ сухимъ хлѣбомъ, вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Да и то такъ живетъ, что какъ пошлетъ съ утра купить хлѣба на 14 крейцеровъ, такъ положить его передъ собой да и съѣсть сейчасъ весь дочиста, а потомъ и ждетъ вплоть до другого дня, а то просить у этого глупаго бойчука, чтобы ссудилъ ему вечеромъ кусокъ хлѣба— конечно, безъ отдачи!

— Ну, и онъ никогда не выходитъ изъ этой конуры?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я его еще не видѣлъ на дворѣ. Не знаю, какъ раньше. Бовдуръ, ты прежде выходилъ куда-нибудь?

Бовдуръ закашлялся сухимъ кашлемъ, а потомъ проворчалъ:— нѣтъ, никуда не выходилъ, только разъ къ протоколу.

— Ну, какъ онъ тутъ выжилъ эту зиму въ своей адамовой одеждѣ, такъ я ужъ рѣшительно не знаю,— сказалъ старикъ.— Когда меня привели, такъ были уже послѣдніе морозы. Прихожу сюда— стужа такая, упаси Господи, а онъ одинъ въ камерѣ, лежитъ въ этомъ самомъ углу, гдѣ и теперь, и этимъ же мѣшкомъ укрытъ. Весь посинѣлъ, какъ бузина, а ничего не говоритъ. Я походилъ немного, потеръ руки, а потомъ вижу, что никакого толку, давай я кричать:— «Эй, кричу, люди добрые, вѣдь я не сынъ Божій, за что вы меня мучаете? Это только фарисеи Сына Божія такъ мучили, какъ вы меня!» Вотъ они немножко на меня погаркали, а потомъ взяли да и затопили въ печкѣ, хоть для видимости, а все же мы немного оттаяли. И потомъ, пока не кончились морозы, такъ все протапливали хоть черезъ день.

— А пока васъ не было, такъ и не топили?— спросилъ Андрей, вздрагивая будто отъ мороза.

— Да вотъ Бовдуръ говоритъ, что топили, только рѣдко, когда имъ вздумается.

— Ну, отчего же ты не требовалъ?—спросилъ Андрей Бовдура.

— Ну да, не требовалъ!—сердито проворчалъ Бовдуръ,—сначала и я кричалъ, такъ меня колотили, потому что я былъ одинъ.

— Ты былъ одинъ!—воскликнулъ удивленно Андрей,—и долго ты былъ одинъ?

— Цѣлый мѣсяцъ. Никого не приводили, а если и приводили, такъ сажали въ другую камеру, на зло мнѣ.

— Ну, а докторъ сюда никогда не приходитъ?

— Еще чего захотѣли! Докторъ! А докторъ что тутъ получить?—сказалъ съ горькой насмѣшкой старикъ.

— Но вѣдь, я знаю, есть предписаніе, чтобы докторъ каждый день или, по крайней мѣрѣ, каждую недѣлю осматривалъ всѣ арестные дома, насколько здорово тамъ содержатся люди.

— Можетъ быть, гдѣ-нибудь и есть такое предписаніе, но у насъ въ Дрогобычѣ нѣтъ! Да какое намъ дѣло до предписаній? Мы сами себѣ господа!

— Такъ сюда никогда не является никакой надзоръ?

— Такъ таки и не является, и баста.

V.

Въ камерѣ стало шумно. Спавшіе проснулись и встали, только Стебельскій лежалъ на мѣстѣ, да Бовдуръ, положивъ голову на локоть, тупо и неподвижно смотрѣлъ изъ своего угла, грызя «багу». Старый еврей началъ спрашивать Андрея сначала по-еврейски, потомъ по-украински, а сидѣвшій около него на полу мужикъ опять заплакалъ, схватилъ голову руками и сталъ раскачиваться назадъ и впередъ, все приговаривая прерывающимся голосомъ:

— И какое меня-а несчастье понесло-о въ этотъ Дрого-обычъ! Не лучше же было мнѣ сидѣть спокойно въ Борысла-авѣ! Купить бы мнѣ на эти несча-астные пять шістокъ*), что я заработалъ, мучицы для дѣточекъ, да и пойти-и-и домо-о-ой!..

*) Шістка—10 крейцеровъ.

— Тоже хозяинъ!—шутить старикъ,—проработалъ день въ Борыславѣ, пять шістокъ заработалъ, и вдругъ, въ праздничный день собрался въ Дрогобычъ хлѣба покупать. Да и нарядился же, не сглазить бы, точно на Свѣтлый праздникъ! Штанишки недурные—легче ходить, когда поменьше этого холстища навѣшано на человѣкѣ. Сермяжка тоже праздничная,—хотѣлъ, видно, полы подобрать, да по ошибкѣ, чай, и оторвалъ. А то, пожалуй, былъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, такъ друзья-пріятели отпустить не хотѣли, уцѣпились за полы, ну, а онъ, грѣшный человѣкъ, тоже не усидѣлъ, надо, вишь, въ городъ, на людей посмотрѣть и себя показать, вотъ онъ дергъ! полы оставилъ, а самъ отъ милыхъ дружковъ тягу! Только-что показался, сталъ на паперти, на самомъ видномъ мѣстѣ, анъ тутъ сейчасъ архангелы подлетѣли да подъ ребрышки: милости просимъ вашу честь, пожалуйста въ горницы!

Крестьянинъ плакалъ во время этого разсказа, другіе смѣялись.

— Дѣ-ѣточки мои!—голосилъ онъ,—что съ вами будетъ?.. Оставилъ я васъ дома безъ призора, махонькіе всѣ, а хлѣба ни крошечки! Умрутъ они, бѣдные, съ голоду, коли я завтра домой не вернусь!..

— Ого, далеко еще это завтра!—сказалъ черноволосый еврейчикъ.—Надо было сегодня вернуться, а не итти бѣды искать въ Дрогобычъ!

— Да молчи ты, не рѣжь меня безъ ножа!—вскрикнулъ крестьянинъ и, понуривъ голову, опять захныкалъ, какъ ребенокъ.

— Да нѣтъ!—сказалъ онъ черезъ минуту рѣшительно,—они должны меня сегодня отпустить. Въ чемъ же я провинился? Развѣ я обокралъ или убилъ кого-нибудь? За что же меня держать?—При этихъ словахъ онъ поднялся съ пола и сталъ у двери, приложивъ лицо къ забитому окошечку, гдѣ сквозь небольшую щель было видно кусокъ коридора и мелькали, какъ тѣни, проходившіе по коридору полицейскіе.

— Дѣдъ Панько!—окликнулъ въ это время старика другой крестьянинъ, лежавшій лицомъ кверху на кровати, —дѣдъ Панько, не вы ли это вытащили у меня изъ трубки весь табакъ?

— Нѣтъ, не я,—отвѣтилъ старикъ,—тамъ у васъ другой гость побывалъ.

— Кто такой?—спросилъ крестьянинъ, грозно сдвинувъ густыя, черныя брови.

— А вотъ нашъ «Бургеръ»! смотрите, онъ еще жуесть жвачку.

Крестьянинъ помолчалъ минуту, злобно поглядывая въ тотъ уголь, гдѣ торчалъ Бовдуръ, а потомъ, не говоря ни слова, подошелъ къ Бовдуру и такъ грохнулъ его стиснутымъ кулакомъ по головѣ, что тотъ даже ударился головой о стѣну.

— Ахъ ты, вонючій Бовдуръ! Я тебѣ разъ навсегда говорилъ, чтобы ты не смѣлъ ко мнѣ въ гости лазить? Не тронь моего! Я заработалъ, а тебѣ дудки!

Вмѣсто отвѣта Бовдуръ пхнулъ изо всей силы крестьянина въ животъ, хотя самъ при этомъ почувствовалъ такую боль, что даже вскрикнулъ. Крестьянинъ зашатался и оперся спиной о стѣну.

— Ахъ, разрази тебя!—крикнулъ онъ,—такъ-то ты платишь за мое добро?

— Чтобъ тебѣ на томъ свѣтѣ такое добро было!—крикнулъ въ свою очередь Бовдуръ, съ натугой вскакивая на ноги,—ты готовъ за щепоть недокуреннаго табаку человѣку голову разбить!

— Да, и глазъ готовъ выколоть за свое!—отвѣтилъ крестьянинъ,—моего не тронь! Понимаешь? Самъ заработай, вотъ и будешь имѣть. Я твоего, небось, не трогаю!

— Ну да, какъ же, не трогаешь, пока я смотрю! А только отвернусь въ сторону, такъ сейчасъ цапъ! Знаемъ мы васъ этакихъ!

Вмѣсто отвѣта крестьянинъ замахнулъ кулакомъ на Бовдура.

лами, смѣялись громкимъ, здоровымъ хохотомъ полицейскіе, играя въ «киксъ» *). Даже въ камерѣ слышны были удары палки о «кичку», слышенъ былъ смѣхъ и споръ, крикъ какихъ то евреевъ, захваченныхъ на дорогѣ вмѣстѣ со стадомъ быковъ и загнанныхъ на участковый дворъ. Слышенъ былъ скрипъ желѣзнаго рычага, которымъ кто-то качалъ воду изъ колодца. Но больше ничего не было слышно; все тотъ же суровый мракъ, все тѣ же заколдованныя, неподвижныя тѣни стояли на грязныхъ, оплеванныхъ стѣнахъ, на кроватяхъ и на мокромъ полу.

— Хоть бы знать, скоро ли будетъ, по крайней мѣрѣ, вечеръ,—сказалъ дѣдъ Панько, набивая трубку,—а вы, баринъ,—спросилъ онъ Андрея,—не курите?

— Нѣтъ, не курю. Ужъ чему другому научился, а этому научиться что-то не могъ.

— Ну, такъ вы еще счастливый человѣкъ. А я, право, подохъ бы тутъ, если бы мнѣ не дали курить. И такъ у меня въ недѣлю двѣ связки выходитъ,—этакъ выгоднѣе покупать, чѣмъ пачками.

Въ это время Мытро, желая посмотрѣть долго ли еще до вечера, сталъ на желѣзную спинку кровати, ухватился, протянувъ руки, за окснную рѣшетку, поднялся немного вверхъ на рукахъ и выглянулъ на дворъ. Но въ ту же минуту послышался какой-то трескъ, и Мытро, какъ обваренный, выпустилъ рѣшетку изъ рукъ и упалъ на полъ, ударившись бокомъ о желѣзную кровать.

— Ахъ ты, этакій воряга! не можешь ты тамъ сидѣть сиднемъ? Будешь еще выглядывать?—послышался со двора крикъ капрала, который, проходя какъ разъ въ это время съ плеткой по двору, увидѣлъ руки Мытра на рѣшѣткѣ и рѣзанулъ по нимъ изо всей силы плеткой. Мытро ахнулъ, выпрямился и съ тоской посмотрѣлъ на свои руки, на которыхъ выступили поперекъ два широкихъ синяка, будто двѣ колбаски. Со слезами на гла-

*) Въ бабки.

захъ, но съ улыбкой на губахъ онъ сказалъ дѣду Паньку:—«уже скоро солнышко зайдетъ!» Потомъ сѣлъ на кровать, отеръ рукавомъ слезы и принялся дуть на болѣвшія руки.

VI.

Зазвенѣлъ своимъ тоненькимъ лязгомъ замокъ у двери, завизжалъ ключъ, пріоткрылась дверь, и въ эту щель, не пропускавшую ни одного луча свѣта со двора, протиснулась голова капрала.

— Андрей Темера! Къ господину инспектору! — позвалъ капралъ и тотчасъ заперъ дверь за вышедшимъ Андреемъ.

По его уходѣ въ камерѣ было нѣкоторое время тихо — Порядочный, видно, барчукъ этотъ бѣдняга,—сказалъ дѣду Панько.

— Какое! просто бездѣльникъ и бродяга,—проворчалъ себѣ подъ носъ Дорожевскій хозяинъ,—порядочныхъ господъ, небось, не водятъ «цюпасомъ».

— А порядочныхъ Дорожевскихъ хозяевъ водятъ?—спросилъ ѣдко Мытро.

— И ты, жаба, туда же со своей лапой! Помалкивай у меня!—крикнулъ на него злобно Дорожевскій.

Опять стало тихо, только слышно было пыхтѣнье трубки въ зубахъ дѣда Панька да жалобное всхлипыванье оборванца, все еще стоявшаго неотступно подъ дверью, какъ будто ожидавшаго чуда, которое вдругъ распахнуло бы дверь и выпустило его на волю съ его пятью шітками къ его голоднымъ малышамъ.

Опять лязгнулъ замокъ, отворилась дверь и впустила Андрея съ пальто на рукѣ.

— Ну, что вамъ сказали?—спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ничего, — отвѣтилъ печально Андрей,—разспросили и сказали ждать, пока получатся бумаги. Онъ умолкъ и принялся ходить по камерѣ. Молчали и другіе арестанты. Всѣмъ вспомнилось, что такъ вотъ и каждый изъ нихъ

ждетъ и долго уже полученія своихъ бумагъ, а пожалуй кому-нибудь изъ нихъ при своемъ горѣ заняло немногo сердце отъ состраданія къ этому молоденькому барчуку который по одному слову старосты да инспектора осужденъ былъ, можетъ быть, на такое же долгое ожиданіе, какъ и они, и такъ же оторванъ былъ однимъ этимъ словомъ отъ своей работы, отъ знакомыхъ, отъ всего привольнаго, чуднаго міра, и заточенъ здѣсь въ это мерзкое подполье, на дно общественной неволи!..

Первый прервалъ тяжелое молчаніе Бовдуръ. Онъ поднялся, какъ привидѣніе, съ своего угла и, подойдя съ протянутой рукой къ Мытру, сказалъ рѣзко:—Мытро, давай хлѣба.

— Смолы ему горячей, а не хлѣба!—сказалъ Дорожескій.

Но Бовдуръ не слушалъ этого любезнаго предостереженія и, поднося свою руку чуть не къ самому носу Мытра, повторилъ опять:—Мытро, давай хлѣба!

— Да вѣдь у меня самого мало, нечѣмъ будетъ и позавтракать утромъ, пока свѣжаго принесутъ. А мнѣ надо бы на работу пойти!

— Давай хлѣба!—настаивалъ упрямо Бовдуръ, не слушая никакихъ доводовъ.

— Да я же говорю, что у меня у самого мало.

— А у меня нѣтъ ни крошки, а я голоденъ!

— А тебѣ бы не жрать все утро, вотъ и осталось бы на вечеръ!—сказалъ дѣдъ Панько.

— Молчи, старый мѣхъ!—огрызнулся Бовдуръ и опять присталъ къ Мытру:—слышишь ты, давай хлѣба! не слышишь?

Но дѣдъ Панько на этотъ разъ не стерпѣлъ обиднаго слова. Какъ юноша вскочилъ онъ со своей кровати и застучалъ по полу деревяшкой.

— Ахъ ты, гнилобокая кикимора!—крикнулъ онъ Бовдурѣ,—ты тутъ что за господинъ такой, что тебѣ уже и словъ сказать нельзя? Ахъ ты голякъ, безпорточный!

Маршъ въ уголь гнить, пока тебя черви въ конецъ не сожрутъ!

И онъ толкнулъ Бовдура сильной рукой прочь отъ Мытра, такъ что тотъ покатился къ самой стѣнѣ.

— Ну, ну, бросай, бросай, чтобъ тебя въ горячку бросило!—ворчалъ сквозь зубы Бовдуръ.

— Пусть тебя самого бросить въ ознобъ!—отбрилъ дѣдъ Панько,—чего пристаешь къ мальчишкѣ? Твой онъ хлѣбъ ѣсть, что-ли? Туда же лѣзетъ со своими лапищами подъ самый носъ: Мытро давай хлѣба!

— А вотъ такъ мнѣ нравится, что ты со мной подѣлаешь?—упирался Бовдуръ.

— Да мнѣ то что съ тобой дѣлать, сатана! Пусть съ тобой дѣла дѣлаетъ лѣшій, а не я!..

Андрею страшно тяжело было слушать эту ссору. Онъ началъ уговаривать старика, а потомъ досталъ изъ кармана порядочный кусокъ хлѣба и подалъ его Бовдуру, говоря:—ну, на поужинай, если голоденъ. Это у меня еще изъ дому осталось, да мнѣ теперь не до ѣды!

— Эхъ, баринъ,—вступился дѣдъ Панько,—зачѣмъ вы хлѣбъ раздаете? Не теперь, такъ черезъ часъ, а то и завтра ѣсть захотите, принесутъ вѣдь нескоро.

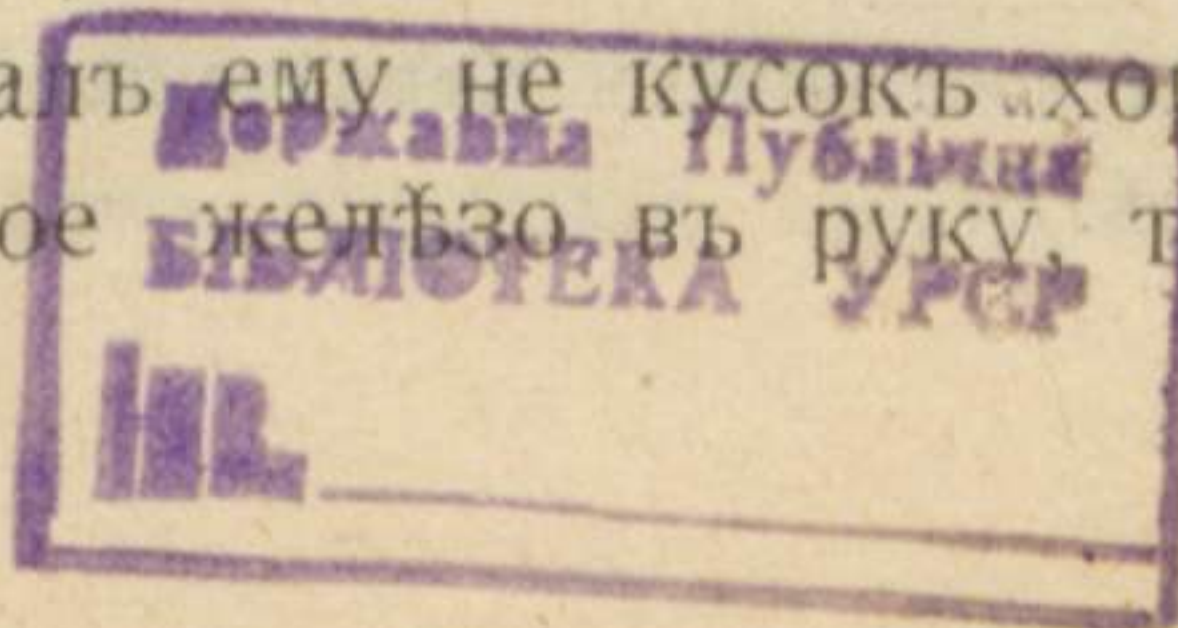
— Нѣтъ, нѣтъ, не проголодаюсь,—отвѣтилъ Андрей,—а если и проголодаюсь, такъ авось выдержу, пока принесутъ.

— А есть у васъ хоть съ чѣмъ послать?

— Есть, есть! У меня съ собой пятьдесятъ гульденовъ, это я взялъ задатокъ отъ того, къ кому ѣхалъ на урокъ; придется немного растратить этихъ денегъ, хотя они, правду сказать, и не мои.

— Ну, да конечно, такой случай вышелъ, надо чело-вѣку поддержать себя, чѣмъ придется,—сказалъ дѣдъ Панько.

Въ это время Бовдуръ страннымъ и страшнымъ взгля-домъ смотрѣлъ на Андрея. Онъ еще держалъ въ рукѣ хлѣбъ, не благодарилъ, не произносилъ ни слова, но каза-лось, будто Андрей далъ ему не кусокъ хорошаго бѣлаго хлѣба, а раскаленное

лицо Бовдура, такое дикое, неопишное выражение приняло оно. Боль, жадность или благодарность выражались такъ на этомъ лицѣ, это трудно было угадать, да арестанты и не обратили на это никакого вниманія. А Бовдуръ, посмотрѣвъ еще минуту на Андрея, какъ бы измѣряя его глазами со всѣхъ сторонъ и испытывая его силу, сжалъ правой рукой хлѣбъ, откусилъ отъ него сразу огромный кусокъ и молча поползъ обратно въ свой уголь, гдѣ и потонулъ во тьмѣ,—только слышно было глухое чавканье губъ, жевавшихъ сухой хлѣбъ.

— Господи, какіе разные бываютъ люди на свѣтѣ,— началъ гуторить дѣдъ Панько,—одинъ, вотъ какъ нашъ Дорожевскій, готовъ за кусокъ хлѣба своему брату глаза выколоть, а иной, хоть и самъ голоденъ, отдастъ послѣднее другому. И это, знаете, не только люди, а и цѣлыя деревни таковы бываютъ. Въ иныхъ деревняхъ такъ народъ смертнымъ боемъ дерется изъ-за межей, изъ-за мостиковъ, изъ-за клочка травы, изъ-за репейника,—одно слово, сущій адъ! Нищему не подадутъ, странника не примутъ, никому не помогутъ. Все только себѣ норовятъ: это мое! это мое! И такъ они за этимъ «своимъ» гоняются, а оно, это «свое» то все уплываетъ, все уплываетъ куда-то, и все людямъ становится тѣснѣе на свѣтѣ. А по другимъ деревнямъ люди живутъ, какъ братья, мирно, согласно... Ни ссоръ, ни сплетенъ, одинъ другому и въ работѣ пособить, и деньгами и добромъ своимъ поможетъ, и нищаго не оставитъ, и странника приютитъ, накормитъ,—ну, и не разоряются какъ-то, живутъ и добро наживаютъ и дѣтямъ оставляютъ. Ужъ кто, кто, а я это хорошо знаю, хоть и недолго я Христовымъ именемъ ходилъ. А только я могу вамъ сказать, что на Підгірью ¹⁾ народъ много лучше, чѣмъ тамъ на Долахъ ²⁾.

— Можетъ быть, тамъ бѣднѣе,—сказалъ Андрей.

— Да оно Господь его вѣдаетъ какъ,—отвѣтилъ ста-

¹⁾ У подножія восточныхъ Карпатскихъ горъ.

²⁾ На равнинѣ.

рикъ,—оно то, видите ли, будто такъ, будто и не такъ. Потому на Долахъ и земли получше и хозяева побогаче, а только такая ужъ тамъ язва между народомъ, такая вражда, что упаси Богъ. А здѣсь вотъ придешь хоть къ самому что ни на есть бѣдняку, онъ ужъ не отпуститъ тебя съ пустыми руками, хоть что-нибудь, да ткнетъ въ руку.

Между тѣмъ, на дворѣ вечерѣло. Солнце зашло, а въ камерѣ сдѣлалось совсѣмъ темно. Дѣдъ Панько всталъ, а за нимъ и Мытро, стали оба на колѣни и начали молиться.

— Ну, пора намъ ложиться спать,—сказалъ дѣдъ послѣ молитвы,—только вотъ не знаю, гдѣ бы тутъ васъ, милый баринъ, помѣстить. Уступилъ бы я вамъ свое мѣсто, да старъ я, калѣка...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо,—прервалъ его Андрей,—вотъ еще чего не доставало! Да я и не хочу спать, ноги у меня молодыя, здоровыя, эту ночь проведу на ногахъ, а тамъ посмотримъ, что Богъ дастъ.

— Ну да, рассказывайте! Легко говорить, а оно не годится,—отвѣтилъ старикъ.—Вотъ бы вы, Дорожевскій, уступили свое мѣсто барину.

— У насъ для баръ мѣста не припасено,—огрызнулся Дорожевскій,—пусть баре барствуютъ, а не лѣзутъ въ острогъ. А коли ихъ чортъ сюда несетъ, такъ пусть подъ кроватью лежатъ. Тамъ привольнѣе, есть гдѣ развернуться, да и некуда упасть.

Андрея неприятно поразили эти жестокия слова, но онъ промолчалъ на нихъ и еще разъ попросилъ дѣда Панька не хлопотать о немъ,—онъ уже самъ о себѣ позаботится...

Вдругъ Мытро дернулъ его за полу и прошепталъ:

— Вы, баринъ, еще немножко походите, а я засну, а когда устанете и захотите спать, то разбудите меня, я встану и пущу васъ на свое мѣсто.

— Хорошо, братецъ, спасибо тебѣ,—сказалъ Андрей,—вотъ возьми мое пальто, укройся, ночью будетъ холодно,

мнѣ оно, хоть и легкое, а руки уже порядкомъ оттянуло.

Всѣ легли, кто раздѣвшись, а кто такъ; одинъ Андрей, широко раскрывая глаза, чтобы не споткнуться на что-нибудь въ густой темнотѣ, началъ тихо, какъ душа безъ покаянія, ходить по камерѣ, мѣрно стуча ботинками по мокрому асфальтовому полу.

VII.

Мысли его, угнетенныя тяжестью всѣхъ впечатлѣній этого дня, сначала обрывались и путались. Ему мерещились безсвязные обрывки всѣхъ видѣнныхъ и слышанныхъ въ этотъ день событій, жгли его мозгъ своей вопіющей неправдой, замораживали кровь своей безграничной мерзостью. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ темнота все больше и больше сгущалась передъ его тѣлесными глазами, мысли его успокаивались, крѣпли, приходили въ порядокъ, память овладѣвала картинами воображенія и духъ его съ трудомъ, но быстро освобождался изъ этой темной западни и летѣлъ къ яркимъ звѣздамъ, къ чистымъ водамъ, въ привольный, веселый міръ, который онъ оставилъ сегодня, увы, кто знаетъ, какъ надолго!..

Никогда еще этотъ міръ не казался ему такимъ прекраснымъ, такимъ веселымъ, такимъ привольнымъ, какъ именно въ послѣдніе дни, именно въ послѣднее утро! Никогда еще его душа не чувствовала себя такой сильной и смѣлой, какъ сегодня, именно передъ этимъ страшнымъ, глубокимъ паденіемъ. Никогда не роилось столько блестящихъ надеждъ на будущее въ его головѣ, какъ именно сегодня, за нѣсколько минутъ до удара, который долженъ былъ разбить ихъ всѣ въ самомъ зародышѣ. Никогда еще звезда любви не сіяла ему такъ ярко, такъ чудно, такъ обаятельно, какъ именно сегодня, передъ той минутой, когда-должна была погаснуть для него—быть можетъ навсегда!..

Вся жизнь его прошла въ бѣдности и нуждѣ, въ тяжелой борьбѣ за пропитаніе, за ученіе. Онъ окончилъ свое образованіе круглымъ сиротой, безъ отца, безъ матери, держа себя собственнымъ трудомъ. Съ малыхъ

лѣтъ привыкъ онъ къ труду, полюбилъ науку и, по мѣрѣ перехода въ высшіе классы, онъ все съ большимъ увлеченіемъ отдавался наукѣ. Высшимъ счастьемъ представлялось ему найти учителей, которые бы могли заинтересовать, давали бы просторъ самостоятельной работѣ мысли ученика, пріохочивали бы къ независимому труду. Внѣ науки, внѣ чтенія учебныхъ и неучебныхъ книгъ онъ не зналъ жизни, прошелъ гимназію ребенкомъ, аскетомъ и еще до окончанія гимназіи началъ болѣть грудью и глазами.

Послѣ экзамена зрѣлости онъ уѣхалъ для поправленія здоровья къ одному товарищу въ горы и тамъ познакомился съ его сестрой Ганей. Невѣдомое ему до тѣхъ поръ чувство любви къ женщинѣ пробудилось въ немъ, взволновало его молодую кровь, раскрыло постепенно его глаза на дѣйствительную жизнь, разсѣяло книжную дымку, сквозь которую онъ мало замѣчалъ до сихъ поръ дѣйствительность. Къ тому же и новое общество университетскихъ людей, среди котораго онъ очутился, навело его на новыя мысли, раскрыло передъ его глазами новые взгляды на жизнь, на цѣль науки, на цѣль образованія и всѣхъ человѣческихъ стремленій. И все его прошлое явилось ему въ другомъ свѣтѣ, многія вынесенныя изъ гимназіи убѣжденія и вѣрованія исчезли безъ слѣда. Это была тяжелая внутренняя борьба, долгая и разрушительная и только любовь давала ему поддержку и силы. Вмѣстѣ съ нимъ и Ганя, съ которой онъ велъ дѣятельную переписку, проходила всѣ фазы его умственнаго развитія и это общеніе укрѣпляло ихъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по начатому пути. Они давали другъ другу слово—отдать свою жизнь борьбѣ за свободу; свободу народа отъ чужевластиа, свободу личности отъ путъ, наложенныхъ на нее другими людьми и несчастно сложившимися общественными условіями, свободу труда, мысли, науки, свободу сердца и разума. Они оживленно разбирали вдвоемъ эти новыя, возвышенныя мысли, слѣдили за ихъ развитіемъ во всемъ современномъ мірѣ, радовались ихъ новымъ приверженцамъ, старались утвер-

дять на этихъ идеяхъ все свое міросозерцаніе. Это были блаженныя минуты для Андрея и Гани, минуты, когда человекъ съ человекомъ встрѣчается завѣтными мыслями, подаетъ руку на почвѣ самыхъ святыхъ убѣжденій! Но имъ обоимъ все еще чего-то недоставало. Послѣ горячихъ споровъ о теоріяхъ, послѣ чтенія лучшихъ и капитальнѣйшихъ сочиненій о занимавшихъ ихъ предметахъ, они невольно взглядывали другъ другу въ глаза, глубоко, глубоко, будто старались усмотрѣть въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ общность въ теоріяхъ. Глаза ихъ горѣли болѣе жаркимъ огнемъ, чѣмъ огонь убѣжденія, ихъ уста дрожали не отъ словъ научныхъ доказательствъ, ихъ лица алѣли не отъ наслажденія найденной истиной. Ихъ кровь обращалась живѣе, когда они встрѣчались, и это была другая могучая сила, которая влекла ихъ другъ къ другу. И часто среди чтенія, среди горячаго теоретическаго спора ихъ голосъ дрожалъ и тихо замиралъ на трепетныхъ устахъ, рука искала руки, глаза—милыхъ глазъ...

— Ахъ!—застоналъ вполголоса Андрей и живѣе забѣгалъ по темной камерѣ,—отчего эти минуты такъ быстро прошли, зачѣмъ онѣ не продолжались? За что я долженъ былъ потерять, тебя, на вѣкъ потерять, Ганя, счастье мое?!

Съ трепетомъ тревоги мысль его пролетѣла сквозь мрачное тяжелое время преслѣдованія, муки за его завѣтные взгляды. Онъ видѣлъ себя въ тюрьмѣ, передъ судомъ,—передъ его глазами проходили ѣдкія, безстыжія издѣвательства газетчиковъ надъ его мыслью, надъ его любовью. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ этихъ воспоминаній, словно на морозѣ. А потомъ ему вспомнилась его утрата. Ганины родители отказали ему отъ дома, запретили видѣться съ Ганей, переписываться съ ней, перехватывали письма, которыя онъ тайно ей писалъ, чтобы хоть въ нѣсколькихъ словахъ подѣлиться своимъ горемъ съ любимой женщиной! Скоро и этого нельзя было дѣлать... Еще раза два-три блеснуло ему прежнее счастье—на нѣсколько мгно-

веній, а потомъ настала ночь, темная ночь горя, сомнѣній, отчаянія... Ганю принудили выйти замужъ за другого... Андрей переболѣлъ эту утрату, смотрѣлъ на нее спокойно.—Что-жъ! онъ человѣкъ добрый, хорошій, онъ не убьетъ ея мысли, не заглушитъ ея сердца, она счастлива съ нимъ, полюбила его,—но я!.. Что я безъ нея? Вѣдь, она была моей душой, моей силой, моей надеждой,—а что я теперь безъ души, безъ силы, безъ надежды?.. Трупъ! временно ходящій по свѣту трепъ! Все, что я любилъ больше всего въ мірѣ, стало моимъ горемъ. Если бы я не полюбилъ ее такъ всей душой, я могъ бы еще теперь полюбить другую, найти утраченное счастье. Если бы я не полюбилъ такъ всей душой свободу, я бы не терпѣлъ теперь неволи, а можетъ быть, и самая неволя не казалась бы мнѣ такой ненавистной, такой мучительной...

И ему вспоминается его послѣднее свиданіе съ ней, уже замужней, вотъ теперь, вчера, сегодня утромъ! Ихъ разговоры, ихъ радость, смѣшанная съ горемъ и тоской, все это жжетъ его, къ землѣ давить. А все-таки онъ былъ счастливъ, ахъ, какъ счастливъ! Потому что въ тѣ минуты онъ чувствовалъ, что его прежняя любовь не остыла, не замерла, что она живетъ, пылаетъ, какъ и прежде, царить надъ его мыслями, управляетъ всѣми его желаніями и стремленіями попрежнему.. Правда, онъ теперь гораздо глубже чувствовалъ горечь утраты; немного затянувшаяся современемъ рана теперь открылась и кровь, успокоенная горемъ и болѣзною, опять разыгралась—но что ему до этого! Вмѣстѣ съ прежней любовью онъ почувствовалъ въ себѣ прежнюю силу, прежнюю охоту къ труду, къ борьбѣ за свободу...

— Ганя, сердце мое, что ты со мной сдѣлала?—шепталъ онъ ей, упоенный отравляющимъ счастьемъ.

— Что я съ тобой сдѣлала?.. Ты же самъ говорилъ, что не хочешь меня связывать... А я такъ много, такъ много выстрадала за тебя! цѣлые годы!..

Слезы катятся изъ ея глазъ, а онъ прижимаетъ ее—

къ сердцу, какъ будто прежнія, счастливыя минуты ихъ свободной любви еще не прошли.

— Ганя, счастье мое, что ты съ собой сдѣлала? хватитъ ли у тебя силъ сопротивляться всей окружающей мерзости, развиваться самой и стоять за свободу, за добро, какъ мы когда то вмѣстѣ-клялись?

— Я не забыла этого, дорогой, и не забуду никогда. А силъ у меня хватить. Мой мужъ поможетъ мнѣ!

— А со мной что будетъ, Ганя? кто мнѣ поможетъ устоять на трудномъ пути одному?...

Она обнимаетъ его съ улыбкой.

— Не бойся, дорогой! Не грусти! Еще все будетъ хорошо, мы всѣ будемъ счастливы, всѣ!..

Андрей охватилъ свою голову руками и опять забѣгалъ по камерѣ.

— Всѣ будемъ счастливы, всѣ?! Нѣтъ, Ганя, это заблужденіе. Всѣ будутъ счастливы когда-нибудь, всѣ наши отдаленные потомки, которые и знать не будутъ о томъ, что претерпѣли, какъ страдали ихъ предки для ихъ счастья!.. А мы что? Единицы среди милліоновъ! Какая же намъ цѣна? И мы еще хотимъ быть счастливы, когда милліоны вокругъ насъ рождаются и гибнутъ въ слезахъ... Нѣтъ, моя любовь; мы оба жалки будемъ! А ты не вѣришь этому? Увидишь!..

Онъ все ходилъ, всматриваясь широко раскрытыми глазами въ густую темноту, какъ будто впитывая ее въ себя. И ему казалось, что темнота дѣйствительно плыветъ во внутрь его, сквозь всѣ поры, залиываетъ всѣ нервы, наполняетъ всѣ мускулы, всѣ кости и жилы, и что уже не кровь, а сгущенная тьма льется холоднымъ потокомъ въ его грудь, въ его сердце. Его пробрала дрожь, ему стало страшно, но только на минуту. Онъ хотѣлъ отряхнуться отъ этого призрака, но скоро увидѣлъ, что это не призракъ, а дѣйствительность. И онъ продолжалъ ходить и все впитывалъ въ себя всѣми порами новыя волны прохладной тьмы, наполнялся ими, какъ губка, дышалъ

тьмой, чувствовалъ ея холодное вѣяніе въ горлѣ, въ легкихъ, всюду. И ему становилось все легче. Боль утихла... Воспоминанія глѣхли. Воображеніе замерло и не ставило уже передъ его глазами никакихъ образовъ, ни покрытыхъ инеемъ горя, ни залитыхъ яркимъ свѣтомъ счастья, согрѣтыхъ огнемъ любви. Все онѣмѣло, замерло, остановилось. Ему сдѣлалось легко, словно въ теплой ваннѣ. Вотъ онъ плещется едва слышно въ чистыхъ, легкихъ волнахъ, которыя тихо-тихо, нѣжно-нѣжно ползутъ вокругъ него, ласкаютъ его тѣло. И вотъ кто-то перерѣзалъ его жилы—совсѣмъ неслышно, вовсе безъ боли, и кровь изъ нихъ течетъ такъ спокойно, такъ сладко, такъ приятно. Течетъ, вытекаетъ эта неукротимая, бунтовская бурная кровь, а вмѣсто нея начинается безпрепятственно, тихо обращаться въ его жилахъ сгущенная, тягучая, холодная темнота... Съ послѣдними каплями крови горячія слезы полились изъ глазъ Андрея. Далекій звукъ колокола, словно ударъ грома, прервалъ тишину и словно молотомъ поразилъ слухъ Андрея. Онъ встрепенулся и опомнился.

— Ахъ, вотъ часъ пробило, а я такъ усталъ, еле живъ!—прошепталъ онъ и, шаря, принялся искать мѣста на кровати около Мытра.

— Это вы, баринъ?—прошепталъ разбуженный Мытро, —ложитесь вотъ здѣсь, я встану.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо,—отвѣтилъ Андрей,—мнѣ довольно мѣста и рядомъ съ тобой!—и онъ прилегъ около Мытра, обнявъ его рукой за шею. Нѣтъ, горячая, бунтовская кровь еще не вытекла изъ него, слезы полились опять изъ его глазъ, онъ началъ горячо цѣловать лицо Мытра, и его горячія слезы оросили молодое, дѣтское лицо его непросвѣщеннаго брата.

— Чего вы плачете, баринъ?—тихо спросилъ Мытро.

— Я несчастень, Мытро!

— Не плачьте,—сказалъ парень,—какъ-нибудь обойдется. Вотъ я, можетъ, еще несчастнѣй васъ, а, видите, не плачу!

Тьма тяжелымъ пластомъ залегла въ камерѣ, придавила всѣ сердца, которыя бились подъ ея гнетомъ: иное спокойно, иное тревожно, иное отъ боли, иное отъ счастья. А на краю постели, обнявшись, заснули рядомъ двѣ молодыя головы, просвѣщенная около непросвѣщенной, и спали такъ спокойно, будто имъ никогда и не снилось ни о какомъ горѣ.

VIII.

Арестанты встали на другой день очень рано. Ихъ разбудилъ капраль крикомъ и проклятіями. Стебельскаго и Дорожевскаго сейчасъ погнали подметать въ канцеляріяхъ и коридорахъ, носить воду, вообще, на «домашнюю» службу. Дѣдъ Панько, Мытро, вчерашній плачущій мужикъ — онъ былъ изъ деревни Опакой — и черноволосый еврейчикъ пошли съ метлами улицы мести. Въ камерѣ остались Андрей, Бовдуръ и старый еврей, который все еще лежалъ прямо съ непокрытой головой на мокромъ полу и хрипѣлъ какъ подрѣзанный. Бовдуръ тоже не вставалъ, не думалъ даже умываться, а только напился воды и молча, передвигая свои голыя, блестящія отъ опухоли ноги, легъ опять въ свой уголъ.

Снаружи разсвѣтало. Солнце гордо всходило на чистое небо, на свѣтѣ люди пробуждались къ труду, новыя надежды оживали, изъ сердець выливались молитвы о хлѣбѣ насущномъ, о здоровьѣ, о тихой, спокойной жизни. Въ камерѣ этого не было. Здѣсь человѣческое сознаніе оживало только для новыхъ мученій; первое, что здѣсь порождало слухъ, была ругань; первое, что вырывалось изъ устъ, были проклятія.

— Разрази ихъ, раскатай за ихъ порядки! — ворчалъ въ своемъ углу Бовдуръ, — морятъ тебя голодомъ до десяти часовъ, пока тамъ какому-нибудь свинопасу угодно будетъ встать и раздать эти паршивые крейцеры! Чтобъ имъ столько пострѣловъ въ каждый бокъ, сколько они мнѣ здѣсь этихъ крейцеровъ дали!

Въ камерѣ стоялъ уже тотъ же сѣрый сумракъ, что

и среди дня былъ, и Андрей, пользуясь нѣсколько большимъ просторомъ, началъ опять ходить по камерѣ, хотя ноги его все еще дрожали отъ усталости, и голова была тяжелая. Но онъ чувствовалъ, что его тѣло было послѣ этой ночи словно посыпано горячей золой и ему было противно ложиться опять на эти вонючіе матрацы, гнилыя испаренія которыхъ, казалось, разъѣдали кожу и заражали своей нечистотой кровь. Онъ ходилъ и думалъ.

— И отчего это человѣкъ не машина такая, которую бы разумъ могъ заводить на свой ладъ?—думалъ онъ.—Къ чему еще эта другая, неподдающаяся вычислениямъ сила—чувство, которое путаетъ и сбиваетъ правильный ходъ разсудочной машины? Вотъ, на примѣръ, я, если бы по разуму поступалъ, развѣ я сидѣлъ бы сегодня здѣсь? Нѣтъ! Я жилъ бы себѣ во Львовѣ, хотъ и бѣдствуя да перебиваясь кое-какъ, а все-таки жилъ бы и работалъ, и учился, и былъ бы свободенъ, въ безопасности... до поры до времени. А то вдругъ... угораздило меня поѣхать въ Дрогобычъ, чтобы повидаться съ ней хотъ на денекъ, хотъ на минутку. Ну, я увидѣлся, почувствовалъ въ груди новый приливъ этого чувства, которое дало мнѣ такъ много страданія взамѣнъ за каплю наслажденія—а теперь опять! А жаль, что такъ случилось! Теперь я чувствую въ себѣ удвоенную силу къ работѣ,—да что въ томъ? руки связаны!

Ходя по камерѣ, Андрей нѣсколько разъ посматривалъ на Бовдура и замѣчалъ, что тотъ неотступно слѣдилъ за нимъ глазами, какимъ-то дико-угрюмымъ взглядомъ. Андрею становилось жутко подъ надзоромъ этихъ глазъ безъ человѣческаго выраженія, свѣтившихся только блескомъ гнили. Онъ началъ чувствовать себя еще стѣсненнѣе среди этихъ тѣсныхъ стѣнъ, сердце его тревожно забилося, какъ-будто вырываясь прочь къ ясному свѣту изъ этой отвратительной ямы, гдѣ, казалось, жилъ вампиръ, медленно вытягивавшій теплую кровь изъ груди. Но Андрей не поддавался этому страху,—въ его сердцѣ слишкомъ много было любви къ людямъ, а особенно ко всѣмъ «уни-

женнымъ и оскорбленнымъ», слишкомъ много было вѣры въ доброту человѣческаго сердца, чтобы тотчасъ подозрѣвать человѣка такого же несчастнаго, какъ и онъ самъ, въ какихъ-нибудь нечистыхъ намѣреніяхъ. Свою невольную дрожь и тревогу онъ приписывалъ усталости и тѣлесной слабости и, побѣждая отвращеніе, онъ бросился на кровать старика, чтобы немного отдохнуть. Но черезъ минуту онъ вскочилъ, какъ ужаленный, весь дрожа, хватая себя то за руку, то за грудь, то за голову, пробовалъ еще ходить по камерѣ, но долго не смогъ. Усталость взяла свое, онъ упалъ на кровать и скоро заснулъ крѣпкимъ мертвецкимъ сномъ.

И снится ему, будто чья-то скользкая, мерзкая рука медленно раздвигаетъ одежду у него на груди, раздвигаетъ рубаху, а потомъ самую грудь,—кости разступаются передъ ней, а она лѣзетъ внутрь, холодная, противная. Она старается достать сердце, добирается къ нему осторожно сквозь сѣть венъ и артерій, словно пловецъ, который хочетъ поймать воробья среди хвороста. Вотъ она уже близко,—онъ это чувствуетъ по холоду, проникающему вглубь, какъ лезвіе ледяного ножа. Но вотъ и сердце почувало врага, забилося, заметалось во всѣ стороны, какъ птичка въ клѣткѣ,—напрягается, бросается назадъ и въ сторону, чтобы не дать себя поймать. Но таинственная рука, движимая невидимой силой, лѣзетъ все дальше и дальше, широко расправила крѣпкую ладонь, еще шире распялила пальцы и уже вотъ-вотъ, вотъ-вотъ поймастъ трепещущее сердце, поймастъ и задавитъ. Острая, пронзительная боль молніей прошибла тѣло Андрея,—онъ проснулся и вскочилъ на ноги.

— Фу, что это такое?—сказалъ онъ, протирая заспанные глаза и оглядываясь по камерѣ. Ему казалось, будто кто-то въ одно мгновеніе снялъ съ его груди большую тяжесть, давившую его во снѣ, и еще показалось ему, будто сначала, спросонокъ онъ видѣлъ наклоненное надъ нимъ черное, страшное лицо Бовдура. Но это должно быть такъ

только со сна почудилось, потому что на груди не было никакой тяжести, а Бовдуръ спокойно сидѣлъ въ своемъ углу, съ завернутыми въ мѣшокъ ногами и даже не смотрѣлъ на него, а уставился куда-то въ уголь, какъ будто разсматривая фигуры пятенъ отъ плевковъ на стѣнѣ.

— Э, должно быть, это запонка надавила грудь,—подумалъ Андрей, вынулъ запонку и опять легъ на кровать.

Его разбудило звяканье ключей и шумъ пришедшихъ съ работы арестантовъ. Они внесли съ собой немножко свѣжаго воздуха, внесли какой-то запахъ воли и въ темной, угрюмой камерѣ повеселѣло. А тутъ еще черноволосый еврейчикъ нашелъ, подметая, четыре крейцера, которымъ страшно обрадовался и за которые готовъ былъ накупить Богъ знаетъ какихъ благъ, чтобы празднично провести нынѣшній счастливый день. А Стебельскій и Дорожевскій хозяинъ принесли по цѣлой горсти всякихъ окурковъ; только Дорожевскій свои показалъ и назадъ спряталъ, а Стебельскій свои раздѣлилъ «на всю камеру». Эти окурки были единственной платой для арестантовъ, подметавшихъ канцеляріи, но и эта плата казалась имъ большой и заманчивой.

Но вотъ пришелъ и вахмистръ съ деньгами и, выдавъ на каждого арестанта по 14 кр., послалъ двухъ изъ нихъ, старика и Мытра, въ сопровожденіи полицейскаго, въ городъ для покупки хлѣба и чего тамъ еще было нужно. Андрею тоже дали 14 кр., а онъ прибавилъ къ нимъ еще своихъ 20 кр. и попросилъ, чтобы и ему купили такой хлѣбъ, какой сами ѣдятъ, и колбасы. Когда Андрей вынималъ изъ своего кошелька эти 20 кр., то, должно быть, не видѣлъ, какъ блестѣли въ углу Бовдурины глаза и слѣдили неотступно за каждымъ его движеніемъ, измѣряли объемъ и взвѣшивали содержимое кошелька, смотрѣли, куда прячетъ его Андрей, какой завистью, какой злобой запылали эти глаза при видѣ вынутыхъ 20 кр.! какъ будто эти 20 кр. были вынуты у самого Бовдура изъ-подъ его сердца.

И опять ходитъ Андрей по камерѣ и опять думаетъ.

Думаетъ о Ганѣ, о ея жизни съ мужемъ, какъ она описы-вала ее въ своихъ письмахъ, думаетъ о своемъ одиноче-ствѣ, о своемъ обезсиліи послѣ утраты любимой женщины. Но вотъ является другая, менѣе мрачная мысль: нѣтъ, я не одинокъ! Есть у меня товарищи, хорошіе, сердечные, горячо-проникнутые той-же идеей, что и я. Они въ нуждѣ по-могутъ, и посовѣтуютъ и поддержать! Но все-таки—тутъ мысль опять обрывается на печальной болѣзненной нотѣ. Но нѣтъ, новая мысль рождается съ новымъ утѣшеніемъ: вѣдь и она для меня не погибла, она любитъ меня по-пре-жнему, не отрекается отъ меня, не ограждаетъ отъ меня своимъ замужествомъ, какъ стѣной, переписывается со мной и совѣтуетъ и утѣшаетъ, какъ и прежде; да онъ то-же человѣкъ хорошій, онъ мой пріятель, единомышлен-никъ... Ахъ, но все-таки!—и опять обрывается веселая мысль, и Андрей, словно подъ гнетомъ страшной боли, опу-скаетъ голову и катятся изъ глазъ его двѣ робкія, дрожа-щія слезы, жгучія какъ пламя и ни мало не облегчающія сердца. Онъ быстро вытираетъ ихъ и опять ходитъ по каме-рѣ, стараясь ни о чемъ не думать, или думать о самыхъ обыденныхъ, ближайшихъ вещахъ, вотъ хотя бы о ѣдѣ.

— А интересная, право, вещь,—сказалъ онъ про себя,—пока не вспоминали о ѣдѣ, то я и голода не чувствовалъ, и желудокъ былъ спокоенъ, хотя и пустой. А теперь вотъ напомнили, такъ и онъ, какъ старая собака, начинаетъ ворчать и возиться. Это стоило бы внести въ психологиче-скій дневникъ—«вліяніе мысли на органическія функціи»*)... Вотъ хорошо бы вести такой дневникъ, куда заносились бы всѣ проявленія чувства, всѣ впечатлѣнія и такъ день за днемъ, долгое время! Интересная вышла бы статистика ду-шевной жизни! Мы бы узнали, какими впечатлѣніями, ка-кими чувствами больше всего живетъ человѣкъ, какова будничная жизнь этой «искры Божіей», которая въ рѣдкія исключительныя мгновенія такъ высоко возносится.

Его заняла мысль о такомъ дневникѣ, и онъ началъ

*) Отправленія.

разбирать и развивать ее всесторонне, какъ будто соби-
рался самъ привести ее въ исполненіе. Надо нѣсколько че-
ловѣкъ, даже нѣсколько десятковъ людей добросовѣст-
ныхъ, преданныхъ истинѣ,—думалъ онъ,—чтобы они раз-
дѣлили между собой главнѣйшія проявленія психической
дѣятельности и чтобы каждый записывалъ преимуществен-
но проявленія своего отдѣла, а остальные касались бы ихъ
только между прочимъ. Но нѣтъ, это ни къ чему не при-
ведетъ: проклятая разница характеровъ, минутныхъ на-
строений все перепутаетъ. Вотъ если бы какой-нибудь ме-
ханической психометръ *) изобрѣсть, вродѣ того, какъ сдѣ-
лалъ Вундтъ для измѣренія интенсивности **) чувства! Инте-
ресная была бы штука и очень важная для науки. До сихъ
поръ психологія занимается качествомъ впечатлѣній, но
мало заботится объ ихъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, ка-
залось бы, въ этомъ ключъ къ разрѣшенію многихъ за-
путанныхъ психологическихъ загадокъ, такъ какъ извѣст-
но, что тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя чаще всего
повторяются, оставляютъ наиболѣе глубокіе слѣды въ душѣ.
Статистика, статистика поможетъ проникнуть глубже въ
загадку характеровъ и натуръ человѣческихъ, какъ уже
отчасти помогла проникнуть въ психологію обществъ и
массъ народныхъ!

Мало по малу такія мысли о наукѣ, о теоріяхъ, не
раздражающихъ сердца и чувства, успокоили Андрея. Ему
вспомнились молодые, пылкіе товарищи, искренно предан-
ные идеѣ свободы и счастья всѣхъ людей, вспомнились
ихъ споры, ихъ общія стремленія къ пополненію своихъ
знаній, ихъ дѣтская радость отъ познаванія всякой новой
истины, и ему стало такъ легко, такъ весело, какъ будто
онъ опять очутился среди нихъ, какъ будто ни его, ни
кого другого на свѣтѣ уже не давитъ вѣковая мерзость
рода человѣческаго—неволя! Его уста блѣдныя, но счастли-
выя невольно шептали слова пѣсни:

*) Инструментъ, который могъ бы показывать душевное настроеніе.

**) Напряженность.

Не всегда бушуетъ море—чаще въ морѣ тишь да гладь,
Не всегда и въ бурѣ гибель—крѣпче снасти, другъ, наладь!
И, быть можетъ, въ непогодѣ храбрымъ счастье суждено,—
Ввѣрься морю, къ ясной цѣли донесетъ тебя оно.

IX.

Зазвенѣлъ замокъ, отворилась дверь,—это пришли изъ города арестанты съ закупленной провизіей. Начался шумъ. Дѣдъ Панько раздавалъ хлѣбъ, соль, табакъ, лукъ, кто на что деньги далъ. Арестанты размѣстились, гдѣ кто могъ, и начали ѣсть. Бовдуръ, который видимо былъ раздраженъ сегодня, проклиналъ вполголоса дѣда Панька за то, что тотъ далъ ему такой маленькій хлѣбецъ, а этому черномазому поросенку такой большой.

— Да вѣдь его хлѣбъ стоитъ 19 кр., а твой 14,—объяснялъ старикъ, не обращая вниманія на проклятія Бовдура.

— Четырнадцать бы тебѣ зубовъ выпало, попрошайка! — проворчалъ вмѣсто отвѣта Бовдуръ и началъ поволчьи кусать свой хлѣбъ, не рѣжа его и даже не ломая

— На тебѣ ножъ, Бовдуръ!—сказалъ Мытро.

— Зачѣмъ? Голову тебѣ отрѣзать что ли?—гаркнулъ Бовдуръ и всей челюстью откусилъ огромную часть хлѣба. Въ его рукахъ былъ уже только небольшой остатокъ ковриги.

Андрей тоже принялся за ѣду. Онъ порѣзалъ принесенную колбасу на равныя части и раздѣлилъ на всѣхъ, никого не обходя. Дорожевскій и Бовдуръ ни однимъ словомъ не поблагодарили, а Бовдуръ взялъ поданный кусокъ и, не посмотрѣвъ даже на него, бросилъ въ ротъ, словно въ пропасть.

Смотря со стороны на то, какъ ѣлъ Бовдуръ, можно было подумать, что этотъ человѣкъ ужасно голоденъ, съ такой прожорливой алчностью теребилъ онъ свой хлѣбъ, такъ быстро исчезали у него во рту огромные куски хлѣба. Другіе еще и не принялись какъ слѣдуетъ за свои ковриги, а Бовдуръ уже ни одной крошки не оставилъ. Съ минуту смотрѣлъ онъ мрачно на свои пустыя руки, а на его лицѣ виднѣлись такія муки голода, какъ будто онъ

нѣсколько дней не видалъ хлѣба. Андрей взглянулъ на него и даже испугался этого жаднаго выраженія лица и этой прозорливости Бовдура. Ему казалось, что Бовдуръ могъ бы теперь съѣсть перваго попавшагося человѣка живьемъ и что онъ вотъ-вотъ бросится на кого-нибудь изъ арестантовъ и отхватить отъ него зубами такой же кусокъ живого мяса, какъ тѣ куски хлѣба, которые безслѣдно исчезли у него во рту.

— Что это, онъ всегда такъ голоденъ у васъ?—спросилъ Андрей старика, съ отвращеніемъ отшатнувшись отъ Бовдура.

Старикъ взглянулъ и тоже быстро отвернулся.

— Да что съ тобой, Бовдуръ?—спросилъ онъ,—ошалѣлъ ты, что ли? ты ужъ, кажется, готовъ людей кусать?—потомъ, обращаясь къ Андрею, прибавилъ:—нѣтъ, это на него сегодня что-то такое нашло, ночного мотылька проглотилъ, что-ли. Онъ, бывало, всегда сопредъ вотъ этакъ цѣлый хлѣбъ, выпьетъ полковша воды да и ложится себѣ, въ добрый часъ, на свое мѣсто.

— Можетъ быть и ошалѣлъ, не знаю,—сказалъ угрюмо Бовдуръ,—только я ѣсть хочу.

— А можетъ быть, ваша милость подождете, пока прислуга принесетъ жаркое изъ трактира? дразнилъ его старикъ.

— Я ѣсть хочу, я голоденъ,—твердилъ съ тупымъ упрямствомъ Бовдуръ.

— Ну, такъ ѣшь, кто тебѣ запрещаетъ?—сказалъ черноволосый еврейчикъ.

— Не запрещаетъ?—обратился къ нему Бовдуръ, впиваясь глазами въ начатый большой хлѣбъ, лежавшій передъ еврейчикомъ,—не запрещаетъ, ну, ладно. Давай!—и онъ протянулъ обѣ руки къ хлѣбу. Еврейчикъ схватилъ хлѣбъ и спряталъ отъ Бовдура.

— Давай!—крикнулъ Бовдуръ, и глаза его заблестѣли какимъ то страшнымъ огнемъ,—давай, а то мнѣ или тебѣ пропадать!

На днѣ. 4.

— Скажите, пожалуйста!—дразнилъ еврейчикъ,—мнѣ или тебѣ? Мнѣ то зачѣмъ пропадать? За что? Проваливай по добру, по здорову и пропадай себѣ, я самъ ѣсть хочу.

— А я тоже хочу,—сказалъ болѣе мягко Бовдуръ,—давай сюда хлѣба!

— Сбѣсился ты, что ли? Чего ты ко мнѣ присталъ?—крикнулъ еврейчикъ,—Мытра оставилъ въ покоѣ, теперь ко мнѣ лѣзешь!

— Дай хлѣба, дай, пожалѣй меня! лепеталъ плаксивымъ тономъ Бовдуръ, но глаза его разгорались все болѣе и болѣе страшнымъ огнемъ.

— Пожалуйста, Бовдурчикъ, голубчикъ, отвѣтилъ такъ же ласково еврейчикъ,—сдѣлай милость, поди себѣ къ чорту.

Вмѣсто отвѣта на эту благочестивую просьбу Бовдуръ высоко поднялъ кулаки и разомъ, словно двѣ дубины, опустилъ ихъ на голову еврейчика. Тотъ повалился наземь, точно топоромъ подрубленный, а кровь хлынула носомъ и ртомъ и полилась на хлѣбъ, на полъ, на ноги Бовдура. Но еврейчикъ не кричалъ. Едва опомнившись, поднялся онъ, словно бѣшенный, на колѣни и обѣими руками впился ногтями въ голыя, опухшія ноги Бовдура. Бовдуръ глухо заревѣлъ отъ боли, началъ лягаться ногами, но не могъ отвязаться отъ еврейчика. Онъ схватилъ его одной рукой за волосы, а другой началъ колотить по спинѣ, но еврейчикъ не отпускалъ, а еще все глубже запускалъ острые ногти въ тѣло Бовдура, такъ что даже кровь выступила изъ-подъ каждаго ногтя. Бовдуръ, не выпуская волосъ еврейчика, рванулся назадъ, и еврейчикъ упалъ лицомъ на полъ. Но и тутъ онъ не испустилъ ни звука, только, быстро схативъ окровавленный хлѣбъ, замахнулся имъ и хватилъ, какъ попало, Бовдура въ животъ, такъ что у того даже екнуло внутри. Бовдуръ выпустилъ волосы и схватился обѣими руками за животъ, словно боялся, какъ бы онъ не разлетѣлся въ куски, будто пустая бочка. Между тѣмъ, еврейчикъ поднялся на ноги. Его лицо, посинѣвшее отъ боли и злости, было почти все въ

крови, на глазахъ выступили слезы, разбитыя губы раздулись, а зубы крѣпко стиснулись—вотъ такъ онъ выпрямился и, не говоря ни слова, замахнулся опять на Бовдура тяжелой ковригой хлѣба.

— Да разнимите ихъ, ради Бога!—кричалъ, остолбенѣвъ отъ ужаса, Андрей, отводя глаза отъ этого страшнаго зрѣлища. Онъ былъ очень впечатлителенъ ко всякой боли, а къ чужой больше, чѣмъ къ собственной, и ему казалось, что каждый ударъ попадаетъ въ него самого.

— Ну да, еще чего не доставало!—отвѣтилъ старикъ, продолжая спокойно ѣсть,—не надо! Вѣдь имъ это полезно немножко расшевелиться, поразмяться... печонкамъ полезно. А ежели еще они изъ себя немного своей поганой крови выпустятъ, то и вовсе имъ полегчаетъ. Оставьте ихъ, они, вѣдь, какъ собаки: погрызутся да и полизуются. А если бы кто-нибудь принялся ихъ разнимать, то я готовъ на что угодно объ закладъ побиться, что они оба на того бросились бы.

Между тѣмъ, борцы съ пѣной у рта, раскровянившись, стояли наготовѣ и ждали, кто кого первый ударить. Но они ждали только минуту, а потомъ, будто по командѣ, бросились другъ на друга. Бовдуръ ударилъ кулакомъ еврейчика по рукѣ и выбилъ изъ нея хлѣбъ, за это еврейчикъ лѣвой рукой двинулъ Бовдура по носу. Потомъ сцѣпились вмѣстѣ, и уже нельзя было разобрать, кто кого бьетъ, пхаетъ, деретъ, уродуетъ, пока, наконецъ, оба не попадали на полъ и, не выпуская другъ друга изъ рукъ, не заревѣли разомъ какъ звѣри: карауль! карауль! бьютъ!

На этотъ крикъ ворвался въ камеру капралъ съ плетью въ рукѣ и, при видѣ двухъ бойцовъ, окровавленныхъ, упавшихъ на полъ, кричащихъ и все еще дерущихся, онъ обратилъ плеть «старшимъ концомъ», т. е. взялъ ремень въ руку, а деревянной ручкой началъ лупить обоихъ, по чемъ попало. Ручка забила по костямъ, зашлапала по отежнему, опухшему тѣлу, какъ по подушкѣ,—а борцы все еще не выпускали другъ друга, не переставая

орать, какъ два борова, которымъ неловкій мясникъ плохо вбилъ ножъ въ грудь. Капраль и самъ разозлился и, не говоря ни слова, началъ обоихъ угощать носками сапогъ между реберъ. Только такимъ образомъ удалось ему разнять ихъ. Они выпустили другъ друга и бросились по угламъ, но капраль не переставалъ колотить ихъ ручкой, куда только могъ попасть.

— Ахъ, мошенники! Ахъ, разбойники! Ахъ каналы! шипѣлъ капраль, задыхаясь,—такъ вамъ мало одной бѣды, вы еще драться хотите? Пойдите, гады, я вамъ покажу!

— Да онъ первый на меня напалъ,—заревѣлъ со слезами еврейчикъ,—онъ хотѣлъ вырвать у меня хлѣбъ! что я ему сдѣлалъ?

— Ахъ ты, свинья эдакая!—заоралъ во все горло капраль, и опять посыпались на спину Бовдура, какъ градъ, удары ручкой. Бовдуръ молчалъ, изогнувшись другой, пока, наконецъ, самъ капраль уходился и пересталъ бить.

— Ну, погоди, я тебя научу, какъ у другихъ хлѣбъ отнимать! Мало тебѣ своего, проклятая прожора?—кричалъ капраль, направляясь къ двери.

— Мало!—отвѣтилъ Бовдуръ угрюмо и глухо.

— Что? ты еще пасть открываешь?—озлился капраль и замахнулся издали плетью,—будешь ты у меня молчать, куча навозная? Вотъ погоди, если тебѣ мало, такъ и того не получишь! Попостись-ка немножко! Авось отпадетъ охота къ дракѣ. Нарочно попрошу господина вахмистра, чтобы тебѣ завтра ничего не дали. Ты у меня посвищешь въ кулакъ, дай срокъ! А вы тутъ, слышите,—обратился онъ къ прочимъ арестантамъ,—не давать ему ничего даже понюхать! Пусть знаетъ, сукинъ сынъ, какъ драться. А чуть что затѣетъ, сейчасъ меня зовите, я съ нимъ справлюсь!

По уходѣ капрала, въ камерѣ воцарилось тяжелое, угрюмое молчаніе. Всѣмъ словно что-то сдавило горло, никому не шель кусокъ хлѣба въ ротъ. Всѣ чувствовали, что у нихъ на глазахъ произошло что-то слишкомъ уже скверное и безчеловѣчное.

Только Стебельскій, сидя на полу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно спалъ, ѣлъ преспокойно дальше свой хлѣбъ, закусывая маленькими кусочками колбасы, а когда въ камерѣ наступила полная, глухая тишина, онъ, обращаясь къ Андрею и обводя рукой вокругъ себя по камерѣ, сказалъ: — *Ното homini iustus!* ¹⁾

Андрей, блѣдный какъ смерть, всталъ и повернулся къ Бовдуру, дрожащему, съезжившемуся въ углу, окровавленному и синему, какъ бузина, но видъ этого человѣка отнял у него силу—онъ не могъ ни слова произнести, а только стоялъ и смотрѣлъ съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія на лицѣ.

— Вотъ видишь, надо было тебѣ этого?—отозвался дѣдъ Панько, принимаясь опять за ѣду.

Бовдуръ молчалъ.

— Бовдуръ,—сказалъ, наконецъ, Андрей,—если ты такъ голоденъ, сказалъ бы мнѣ, я все равно не съѣмъ своего хлѣба. Зачѣмъ было начинать драку, я тебѣ дамъ хлѣба, сколько хочешь...

Онъ взялъ свой хлѣбъ, отрѣзалъ отъ него небольшой кусокъ для себя, а остальное подалъ Бовдуру.

— Не надо мнѣ твоего хлѣба! Жри самъ! Подавись!—проревѣлъ Бовдуръ, не подымая глазъ, и швырнулъ поданный хлѣбъ подъ кровать. Андрей окоченѣлъ отъ страха и недоумѣнія и, не говоря ни слова, отступилъ. А Мытро полѣзъ подъ кровать, поднялъ хлѣбъ, вытеръ, поцѣловалъ и опять положилъ передъ Андреемъ.

— Да что съ тобой, болванъ?—обратился грозно дѣдъ Панько къ Бовдуру,—ты это чего святой хлѣбъ швыряешь? Духъ бы тебѣ сперло, кикимора проклятая!

— Всѣмъ бы вамъ сперло! проворчалъ Бовдуръ,—да и мнѣ за одно!

Проговоривъ это, онъ ударилъ кулакомъ о полъ такъ, что гулъ отозвался, а потомъ свернулся въ клубокъ и легъ на свое мѣсто.

¹⁾ Человѣкъ человѣку мѣрь!

X.

Андрей долго ходилъ по камерѣ, пока успокоился. А когда возвратились къ нему душевныя силы, онъ постарался мысленно улетѣть далеко-далеко отъ этого проклятаго мѣста плача, горя и отрицанія всякаго человѣческаго достоинства. Онъ уносился мыслью въ инья, лучшія мѣста, гдѣ молодья, чистыя сердца выше всего подымали знамя человѣчности, гдѣ готовились могучіе, вооруженные ряды, которыя: современемъ—скоро!—должны пойти въ борьбу за человѣчество, за его святыя права, за его вѣчныя, природныя стремленія. Онъ уносился мыслью и туда, гдѣ билось единственное женское сердце, привязанное къ нему; можетъ быть въ эту минуту оно обливалось кровью о его несчастьи. И мысленно онъ утѣшалъ свою Ганю, ободрялъ своихъ товарищей, призывалъ ихъ смѣло держать свое знамя высоко, не опускать его ни на минуту, потому что человѣчество страдаетъ, оно унижено, подавлено, попрано въ лицѣ своихъ милліоновъ!

Онъ думалъ о своемъ дѣлѣ, о своей любви, о своемъ горѣ. О Бовдурѣ же съ его страданіемъ и злобнымъ упорствомъ онъ и не помышлялъ.

Эхъ, голова молодая, горячая, себялюбивая! Въ своемъ святомъ порывѣ ты и не видишь, какъ себялюбивы всѣ твои мысли, всѣ твои стремленія! Вѣдь и твое дѣло, хотя оно ведетъ ко всемірному братству и всеобщему счастью, —не потому ли оно такъ дорого, такъ близко тебѣ въ эту минуту горя, что оно *твое* дѣло, что въ немъ соединяются всѣ *твои* мысли, желанія, убѣжденія и цѣли, что работать и даже страдать ради него доставляетъ *тебѣ* удовольствіе? Вѣдь и та женщина, которую ты любишь, хотя и не связывая ея ничѣмъ, хотя и отрекаясь отъ обладанія ею, хотя и желая ей счастья съ другимъ, вѣдь и она не тѣмъ ли такъ дорога тебѣ, что около нея протекли самыя счастливыя минуты *твоей* жизни, что ея поцѣлуи до сихъ поръ горятъ на твоемъ лицѣ, что прикосновеніе

нѣжной руки ея до сихъ поръ дрожить въ твоихъ нервахъ? Эхъ, молодая, себялюбивая голова! Оглянулась бы ты вокругъ себя пристально, внимательно, братскимъ, любящимъ взоромъ! Можетъ быть, ты бы увидѣла около себя другихъ несчастнѣе тебя! Можетъ быть, ты бы увидѣла такихъ, которымъ ниоткуда не свѣтитъ лучъ утѣшенія даже такого, какъ твое! Можетъ быть, ты бы увидѣла такихъ, которые не принесли съ собой сюда, на дно общественнаго гнета, ничего, ничего: ни ясной мысли, ни счастливыхъ воспоминаній, ни блестящей, хотя бы даже обманчивой надежды! Можетъ быть, одно твое искреннее, привѣтливое слово усладило бы ихъ участь, утишило бы въ ихъ сердцахъ борьбу, которая ужаснѣе всего, что ты только вообразить можешь, разбило бы вокругъ ихъ сердца плотную ледяную кору, намороженную безконечнымъ, неустаннымъ горемъ!.. Но увы! Такова ужъ природа всякаго большого горя, что оно замыкаетъ сердца человѣческія, какъ вечерній холодъ закрываетъ цвѣты, сжимаетъ ихъ, словно морозъ. И съ закрытыми сердцами, со сжатыми устами проходятъ несчастные другъ мимо друга, хотя часто могли бы нѣсколькими словами, однимъ теплымъ, братскимъ пожатіемъ руки уничтожить половину своего горя; проходятъ они другъ мимо друга и—молчатъ... Эхъ, люди, люди! Не убійцы, не злодѣи и приступники, не господа и рабы, не палачи и жертвы, не судьи и подсудимые, а бѣдные, забитые, обманутые люди!..

Между тѣмъ Бовдуръ лежалъ въ своемъ гниломъ углу, съ болящимъ, гнѣющимъ тѣломъ, съ разбитой душой, безъ проблеска надежды, утѣшенія, отрады,—а въ головѣ его кружили свои мысли, проносились неясными картинами свои воспоминанія.

Нужда съ малыхъ лѣтъ, съ дѣтства... Презрѣніе, пинки, побои... Насмѣшки дѣтей, сторонившихся отъ него, не принимавшихъ его въ свои игры... Подкидышъ! Найденышъ! Бовдуръ!.. Тяжелый трудъ на злыхъ, чужихъ людей... Слякоть, морозы, жажда, усталость—все это только хозяина

донимаетъ, а батрака нѣтъ!.. Батракъ желѣзный, онъ все выдержитъ... онъ долженъ... за то деньги беретъ!.. Замо-рышъ, болѣзненный, захудалый, плохо оплаченный, плохо одѣтый... Безъ пріятеля, безъ друга... Нѣтъ, былъ пріятель, былъ другъ—въ Борыславѣ, у воротила встрѣтились. Хорошій пріятель, вѣрный другъ, душа-человѣкъ! Ха-ха-ха!.. А позавидовалъ, позавидовалъ единственному счастью—отбилъ дѣвушку, взялъ и женился!.. Если бы бѣдняку вѣтеръ не дулъ всегда въ глаза, то, пожалуй... пожалуй, бѣднякъ не былъ бы бѣднякомъ!

Въ такихъ отрывочныхъ картинахъ, переплетенныхъ словами, произносимыми вполголоса, проносилась въ сознаниі Бовдура его первая молодость. Ничего въ ней не было отраднаго, ничего такого, на чемъ могла бы отдохнуть душа, чѣмъ бы могло порадоваться воспоминаніе. Но мысль летитъ дальше, переворачиваетъ прошлое страницу за страницей, будто человѣкъ, который заложилъ деньги въ книгу и старается найти ихъ между листами.

Что привело Бовдура въ Борыславъ? Объ этомъ онъ и вспоминать не хочетъ. Это такая мысль, отъ которой морозъ по кожѣ подираетъ. Но скоро, скоро, кажется, и это придется припомнить хорошенько. Какъ бы тамъ ни было—онъ бѣжалъ и, убѣгая, еще разъ посмотрѣлъ съ пригорка на горящія—но вечернимъ ли блескомъ?—избы и проклялъ ихъ. И никому, ни одной душѣ онъ не сознался, изъ какого села онъ бѣжалъ, хотя послѣ того прошло уже пять лѣтъ. Какъ знать, можетъ быть, онъ уже и самъ забылъ названіе села!..

Въ Борыславѣ онъ немного ожилъ. Хотя работа плохая, да всетаки сначала платили хорошо и ѣсть было вдоволь, не то что въ батракахъ. Словно голодный волкъ набросился онъ на ѣду, и ѣлъ, ѣлъ безъ памяти,—проѣдалъ все, что зарабатывалъ, чуть не нагишомъ ходилъ, но ѣлъ, чтобы хоть разъ почувствовать себя сытымъ. Пить сначала не пилъ, но потомъ началъ, когда ея не стало. Тогда распьянствовался, здорово запилъ.

Въ Борыславѣ, у воротила, Бовдуръ впервые въ жизни свелъ дружбу съ однимъ такимъ же круглымъ сиротой, какъ и самъ. Душевный былъ человѣкъ, и Бовдуръ четыре года жилъ съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ. Они работали вмѣстѣ, жили вмѣстѣ и почти никогда не разставались. Помогали другъ другу въ нуждѣ, не спрашивая: а когда отдашь? хотя, сказать правду, Бовдуръ чаще бралъ, чѣмъ давалъ. Онъ и теперь, хотя считаетъ Семена измѣнникомъ и притворщикомъ, все-таки съ удовольствіемъ вспоминаетъ это время дружбы. Хорошее было время, да чортъ забралъ. А жаль, что дальше не продержалось.

Изъ-за дѣвушки только разстались друзья. Полжили оба одну бѣдную, жалкую работницу, круглую сироту, какъ и они оба, взросшую въ униженіяхъ и подъ гнетомъ, привыкшую къ молчаливому послушанію и безграничной покорности, къ отреченію отъ собственной воли, отъ собственной мысли. Странное что-то произошло тогда съ Бовдуромъ. Его рѣзкая, самолюбивая, дикая, будто колючая натура стала еще рѣзче и диче при этой тихой, кроткой, послушной и доброй женщинѣ. Онъ любилъ ее, но его любовь угнетала ее еще больше, чѣмъ вся ея прежняя жизнь. Сколько брани, сколько побоевъ вытерпѣла она отъ него! Сколько горячихъ слезъ пролила! Но никогда не слышалъ отъ нея Бовдуръ ни слова противорѣчія. И это бѣсило его. Онъ допекалъ ее до крайности; чтобы возбудить въ ней силу сопротивленія, а между тѣмъ, ея сила—это была податливая, молчаливая и послушная любовь. Потому что она, этотъ тихій ягненокъ, любила этого звѣря! И эта любовь придавала ей силъ терпѣть все его, на видъ безумныя, но вытекающія изъ его природы прихоти, оплачивать ласками за побои, нѣжностью за брань и проклятія... И чѣмъ только не честилъ онъ ее! И сухой и жабой—она ничему не противилась. Наконецъ, онъ почувствовалъ отвращеніе къ этой безграничной покорности и податливости и хотя не пересталъ ее любить, но разъ въ припадкѣ злобы поколотилъ ее и прогналъ отъ себя.

Она ушла къ его другу, они скоро поженились—уже и ребенокъ есть...

— И она, собака, счастлива съ нимъ! — ворчалъ Бовдуръ,—оба такія размазни! Чортъ бы ихъ побралъ! Не хочу я и вспоминать объ нихъ!

Сколько разъ уже давалъ онъ зарокъ, что не будетъ вспоминать объ нихъ, а они сами лѣзутъ на умъ. Потому что они оба силой противоположности сроднились съ его душой и дополнили ее. Потому что въ его сердцѣ, подъ толстой ледяной корой, тлѣетъ и до сихъ поръ еще не угасла искра любви къ этимъ двумъ «размазнямъ»!

А потомъ все было кончено... Все пошло прахомъ. Онъ сталъ пить. Чортъ побери!—крѣпко пилъ! Бывало, придетъ утромъ съ работы—онъ работалъ въ ночную смѣну въ шахтѣ—и прямо въ кабакъ! Кабатчикъ, давай ѣсть! Хорошо. Кабатчикъ, давай пить! И пьетъ, пока хватаетъ денегъ въ карманѣ, пока можетъ устоять на ногахъ. А какъ откажутся ноги служить, онъ падаетъ подъ скамью и спитъ до вечера, пока опять не разбудятъ на работу. Это выгодно, не надо квартиры нанимать. Кабатчикъ днемъ изъ кабака не вышвырнетъ, онъ хочетъ и на другой разъ залучить—еще его же собаки и ротъ оближутъ, чисто!..

Это было единственное время, въ которое теперь Бовдуръ вдумывался съ какимъ-то пьянымъ увлеченіемъ. Это время вѣчнаго одурѣнія, вѣчнаго похмелья, вѣчнаго безсвязнаго шума казалось ему единственнымъ истинно и всецѣло счастливымъ временемъ въ его жизни. Ни въ чемъ ему не было тогда недостатка, а впрочемъ, чортъ его знаетъ, можетъ быть, и не доставало чего-нибудь, только онъ, ей-Богу, ни о чемъ не зналъ. Никакихъ мыслей, никакихъ воспоминаній, только шумъ, словно мельничное колесо въ головѣ гудитъ... Туррръ-ррръ? и все: люди, дома, солнце и небо и весь свѣтъ ходитъ ходуномъ, ходуномъ, ходуномъ! Туррръ-ррръ!.. И больше ничего нѣтъ, ни на землѣ, ни на небѣ, нигдѣ ничего!..

— Ахъ, еще разъ бы такъ, хоть денекъ, хоть ми-

нутку! Господи!—вздыхнулъ Бовдуръ,—забылся бы, а то вотъ опять начинается все, все оживать, опять шевелится! Или вотъ, если бы такъ: встаю завтра утромъ и вдругъ въ головѣ шумъ, кружится: туррръ! передъ глазами все мѣшается, кругомъ, кругомъ, кругомъ идетъ!.. Вижу и не узнаю, слышу и не понимаю, живу и самъ объ этомъ не знаю,—и такъ навѣки, навсегда! Чтобы и не пить и вѣчно пьяну быть! Чтобы уже совсѣмъ, совсѣмъ одурѣть!..

— А если нѣтъ, такъ что? Пусть идутъ мысли, пока идутъ. Будемъ клинъ клиномъ вышибать,—скверное еще худшимъ! Ничего другого не придумаешь... Да и зачѣмъ придумывать?... А передъ концомъ разъ, но... Хоррошо!.. Пятьдесятъ, только безъ двадцати крейцеровъ,—право, стоитъ!.. Да мнѣ же и нечего терять!..

— А моя молодость?..—Чортъ ее возьми! Одни колючки въ ней, одна крапива! Будь она проклята!

— А тѣ двое?.. Чортъ ихъ возьми! Бросили, измѣнили.. Нѣтъ, не хочу и вспоминать!..

— А можетъ быть, еще когда-нибудь лучше будетъ?.. Нѣтъ, не надѣйся! Пустыя надежды! Будь она проклята, эта надежда!

— А онъ... можетъ (ыть, у него есть отецъ, мать?.. Ну, и пускай себѣ,—у меня ихъ нѣтъ и не было.

А можетъ быть... какаянибудь?.. Тьфу, что это я, развѣ стоитъ на это смотрѣть? Мнѣ то какое дѣло? Пусть выходитъ за другого!

— А можетъ быть?.. Ну, что еще? Ничего больше. Все тутъ! Кругомъ, кругомъ, кругомъ!.. Ахъ, какъ больно, какъ жжетъ, какъ нсетъ! И тутъ, и тутъ, и тутъ, все тѣло!..

Была уже глубокая ночь, полночь. Всѣ арестанты спали, точно бревнами придавленные. Андрей тоже спалъ! и не слышалъ этой прерывистой рѣчи, этого шепота вполголоса, не слышалъ и не зналъ этой ужасной муки человѣка, одичалаго отъ горя и одичалостью доведеннаго до крайняго отчаянія. А между тѣмъ, кто знаетъ, если-бы Андрей услышалъ эти слова, если-бы подумалъ объ этой

мукъ,—можетъ быть, одно словно успокоило бы ее и остановило бы ея ужасныя послѣдствія. Но Андрей въ это время спалъ спокойно около Мытра и во снѣ обнималъ свою и не свою Ганю.

XI.

Опять день, гамъ, ругань, издѣвательства, лязгъ замка, крики, работа. Опять Андрей ходитъ по камерѣ, блѣдный и ослабленный недостаткомъ свѣжаго воздуха, и думаетъ. Но сухой кашель начинаетъ душить его слабую грудь, и мысли начинаютъ путаться. Онъ чувствуетъ страшную усталость во всемъ тѣлѣ, какъ будто оно у него оловянное. Ахъ, отдохнуть бы, полежать удобно, покойно, подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, въ тѣни. Его любовныя грезы блѣднѣютъ, и онъ напрасно силится вызвать ихъ въ своемъ воображеніи съ прежней живостью. Даже Ганино лицо не хочетъ показаться ему, а передъ закрытыми глазами все только мелькаютъ дикія искаженныя лица съ растрепанными волосами, неумытыя, угрожающія. Онъ легъ на спину на кровать, широко раскрылъ глаза и всматривался въ потолокъ, стараясь не думать, не вспоминать. Но вотъ потолокъ оживаетъ, сжимается, расширяется, колышется и мало-по-малу на его буро-желтомъ фонѣ выступаютъ сквозь полумракъ опять тѣ же безобразныя, грозныя лица, спускаются сверху, наклоняются надъ нимъ, нѣмыя, словно мертвыя. Онъ вскакиваетъ и опять начинаетъ ходить.

— И что это со мной дѣлается?—говоритъ онъ про себя,—вѣдь я не склоненъ былъ къ галлюцинаціямъ! Почему это онѣ вдругъ стали меня преслѣдовать? Неужели печаль такъ скоро подточила меня? Но вѣдь, я, кажется, и не печалюсь такъ ужъ очень... Фу, это скверно!

А Бовдуръ въ своемъ углу тоже лежитъ и думаетъ. Вотъ, какъ будутъ у него деньги, такъ это будетъ штука нелегкая спрятать ихъ такъ, чтобы не нашли да не отняли. Да какъ же отнять, когда никто не будетъ

знать? Придется представиться сумасшедшимъ, что ли, ну, да все равно! Придетъ время, придетъ и совѣтъ! Только бы припрятать хорошенько, ну, а потомъ я бы ужъ себя ублажилъ, хоть разъ, да хорошенько, чтобы все наверстать! Прежде всего хлѣба, хорошаго, бѣлаго—нѣтъ, булокъ, и много, много, чтобы досыта ѣсть. Колбасъ, мяса цѣлый ворохъ! А потомъ пить,—пива, вина въ бутылкахъ. И все по бутылкѣ на каждый разъ, бутылка на разъ! чтобы голова безъ устали шумѣла, вѣчно бы кружилась, чтобы ничего, ничего въ голову не лѣзло, не думалось, не вспоминалось! Все кругомъ, все кругомъ, и такъ до конца. А какой же будетъ конецъ? Одна минута! И совсѣмъ не страшно, только бы голова шумѣла и кружилась... А впрочемъ, увидимъ, будетъ ли страшно,—все равно, разъ сука-мать родила!

— А онъ такой молодой и добрый!—робко отозвалась тихая мысль гдѣ-то въ глубинѣ сердца Бовдура.

— Чортъ возьми! А я развѣ не молодъ?—возразила другая мысль,—онъ до сихъ поръ былъ счастливъ, онъ столько счастья имѣлъ каждый день, сколько я и за всю жизнь не узнаю! Это несправедливо, надо немножко помѣняться!

— А можетъ быть, не такъ уже очень?.. — опять робко отзывалась тихая, глубокая мысль.

— А то какъ же? Чего баловаться?—рѣзко оборвала опять громкая, господствующая мысль,—обоимъ намъ лучше будетъ, скорѣй кончится!

— А можетъ быть, у него есть отецъ, мать?.. А чортъ съ ними! Пусть погорюютъ! У меня ихъ нѣтъ и не было, а я развѣ не человѣкъ?..

Но странно, какъ ни старалась усиленно громкая, властная мысль успокоить Бовдура и утвердить его на разъ избранномъ пути, онъ все-таки чего то дрожалъ всѣмъ тѣломъ, искоса поглядывая на Андрея и боязливо сжималъ что-то въ рукѣ, что-то такое, чего и самъ боялся, а вмѣстѣ съ тѣмъ берегъ, какъ зѣницу ока.

— Хочется ѣсть!—ворчалъ онъ,—страсть какъ ѣсть хочется! это онъ, проклятый, своимъ хлѣбомъ нагналъ на меня голодъ! А такимъ притворяется добрымъ да ласковымъ! Нѣтъ, братецъ, не поможетъ тебѣ твоя доброта, не надуешь!..

Отворилась дверь и въ камеру просунуль голову старикъ полицейскій съ добродушнымъ лицомъ.

— Господинъ Темера!—произнесъ онъ ласково.

Темера вздрогнулъ. Ему послышалось, что это голосъ его отца, такой, какой онъ слышалъ еще давно, давно въ дѣтствѣ. Онъ подошелъ къ двери и началъ всматриваться въ лицо полицейскаго, но не могъ его узнать.

— Что, не узнаете меня? ну, конечно, гдѣ узнать, вы вѣдь еще ребенкомъ были, когда я ушелъ изъ Тернополя. А мы съ покойнымъ вашимъ папашей сосѣди были и пріятели такіе, помилуй Богъ! Упокой, Господи, душу его! Да что же это съ вами случилось? Я просто ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда мнѣ сказали, что тутъ сидитъ Темера изъ Тернополя! Какой такой Темера, думаю себѣ? Тамъ всего только одинъ Темера и былъ. Ужъ не сынъ ли его? Бѣдный мальчикъ! И это васъ къ такому сброду посадили! Я уже просилъ господина инспектора, такъ онъ обѣщаль, что съ завтрашняго дня вы будете сидѣть въ стражницѣ, я за васъ поручился.

Темера горячо поблагодарилъ старика, но на лицѣ Бовдура при этихъ словахъ промелькнуло нѣчто похожее на тревогу,—вотъ-вотъ у него вырвется изъ рукъ то, что онъ уже считалъ наѣрняка своимъ.

— А можетъ быть, вамъ надо принести что-нибудь—ѣсть или пить?—разспрашивалъ старикъ,—сегодня капрала нѣтъ, вмѣсто него я завѣдую, такъ я вамъ принесу. Наготовьте деньги, я сейчасъ приду, мнѣ еще надо въ канцелярію.

Старикъ заперъ дверь и побрелъ въ канцелярію. Андрей повеселѣлъ, даже въ груди легче стало, когда онъ услышалъ эти привѣтливья, дружескія слова, когда узналъ, что и здѣсь есть добрая душа, которая дѣлаетъ для него,

что можетъ. Ахъ, какъ онъ обрадовался извѣстію, что завтра его переведутъ въ стражницу изъ этой дыры! Ему казалось, что это онъ завтра выйдетъ совсѣмъ на волю. Свѣтъ, воздухъ, зелень, живая природа, эти ежедневные божьи дары, которымъ въ обыкновенное время человѣкъ не знаетъ цѣны, не боясь ихъ утратить,—какими дорогими, какими желанными были они теперь для Андрея!..

— Баринъ!—прервалъ его мысли Бовдуръ своимъ рѣзкимъ голосомъ — прикажите принести водки, штофъ цѣлый, такъ хватитъ раза на два.

— А развѣ сюда разрѣшается приносить?—спросилъ Андрей.

— Еще бы! Старикъ принесетъ!

Андрей самъ водки не пилъ, но онъ зналъ, что для прочихъ арестантовъ это будетъ большой праздникъ, если смогутъ выпить по рюмкѣ. Поэтому он попросилъ старика принести водки и что-нибудь закусить. Старикъ сначала колебался насчетъ водки, приносить ли цѣлый штофъ, но когда Андрей увѣрилъ его, что будетъ смотрѣть, какъ бы не выпили много, и что, впрочемъ, на девять человѣкъ штофъ водки не такъ и много, старикъ рѣшился исполнить его желаніе.

Полдень. Весело шумя, арестанты сѣли вокругъ принесенной водки и закуски. Глаза ихъ наслаждались видомъ пиршества, о какомъ они давно уже и не слыхивали. Всѣ благодарили Андрея за его доброту. Одинъ Бовдуръ сидѣлъ, какъ бревно, въ своемъ углу и только слѣдилъ глазами за бутылкой съ водкой. Вдругъ онъ вскочилъ, схватилъ бутылку, сжалъ ее крѣпко обѣими руками, прижалъ къ губамъ и принялся тянуть водку. Всѣ сначала съ изумленіемъ смотрѣли на него, затѣмъ бросились отнимать. Но это имъ нескоро удалось. Почти полбутылки утекло за то время въ глотку Бовдура.

— Ахъ, убей тебя сухая ель, ублюдокъ проклятый!—ругался дѣдъ Панько,—такъ это ты не ждешь очереди, а прежде всѣхъ лакаешь, какъ свинья?..

— А-а!—крякнулъ, отдуваясь, Бовдуръ,—вотъ за это спасибо! Это по-прежнему, по-борыславски! По всѣмъ жиламъ словно рукой провелъ, а въ головѣ шумить, бурлитъ, туррръ!

Онъ схватилъ кусокъ колбасы, бросилъ ее въ ротъ и, шатаясь, упалъ назадъ въ свой уголъ.

Долго еще шумѣли арестанты, угощаясь водкой, долго бранили подлаго Бовдура, но тотъ лежалъ, будто и не слышалъ ихъ разговора, только глазами хлопалъ, бессознательно глядя въ пространство.

— Ахъ, вотъ гдѣ-то тутъ у меня былъ ножъ,—спохватился Андрей, шаря въ карманахъ,—да видно, куда-то выпалъ, что ли. Нечѣмъ отрѣзать хлѣба. Оно, положимъ, ножъ не ахти какой, да все-таки неудобно.

— Ищите хорошенько, — сказалъ дѣдъ Панько,—ножъ не игла, въ камерѣ пропасть не можетъ.

Но однако ножа не было.

— Ну, такъ рѣжьте пока вотъ моимъ, а потомъ поищемъ,—сказалъ Мытро,—можетъ быть, когда вы спали, онъ какъ-нибудь сквозь дыру попалъ въ сѣнникъ. У насъ и это можетъ статься, поглядите, какіе дырявые эти сѣнничиха!

— И то,—сказалъ дѣдъ Панько,—надо будетъ потомъ поискать.

Но всѣ арестанты такъ заговорились и занялись водкой и закуской, что потомъ пошли спать, даже и не подумавъ о ножѣ. Заснулъ и Бовдуръ. Только Андрей, который не пилъ водки, ходилъ по камерѣ, чувствуя себя какъ будто здоровѣе и бодрѣе послѣ извѣстія, обѣщавшаго на завтра освобожденіе изъ этой мерзкой дыры.

— Эхъ, если бы поскорѣе и совсѣмъ освободили!—прошепталъ онъ, вздыхая,—началась бы новая работа, новая борьба, и хоть что-нибудь да дѣлалось бы. Но только надо приняться хорошенько, всѣмъ сплотиться вмѣстѣ, не тратить по сторонамъ ни времени, ни денегъ! Надо учиться, много учиться, но не той мертвечинѣ, которой заби-

ваютъ головы въ гимназіяхъ. Ахъ, немного онъ попробовалъ настоящей науки, но какимъ инымъ, свѣжимъ духомъ вѣетъ отъ нея! Какъ льнетъ къ ней душа! И отчего это люди такъ упорствуютъ противъ нея и заранѣе смотрятъ съ презрѣніемъ на ея пріобрѣтенія? Потому что она этихъ пріобрѣтеній не выдаетъ за окончательную, безусловную истину? Ахъ да, людямъ еще нуженъ авторитетъ, который бы съ высоты величія приказывалъ: быть по сему! нужно еще писаніе, которое бы являлось началомъ и концомъ премудрости, внѣ котораго все было бы ложнымъ или излишнимъ!.. Но нѣтъ! недолго продержится власть авторитета. Со всѣхъ сторонъ являются живые умы и разрушаютъ, разрушаютъ ту стѣну, которая тысячи лѣтъ закрывала свѣтъ отъ глазъ человѣческихъ. Скорѣе бы послѣдній ударъ! Скорѣе бы пришла свобода, ясная, какъ день, широкая, какъ міръ, знающая только природу и братскую любовь!..

— Что значитъ нашъ муравьиный трудъ для такой огромной цѣли? Что для нея наши мелкія страданія, вся наша жизнь? Пылинка противъ горы! А все-таки гора состоитъ изъ пылинокъ. А все-таки отрадно хоть на пылинку ускорить великое дѣло!

— А, можетъ быть, всѣ эти наши мысли, наши стремленія, наши бои,—все это, можетъ быть, опять только одна большая ошибка, какихъ тысячи уже пронесли надъ человѣчествомъ, какъ вихри? Можетъ быть, нашъ трудъ ни къ чему не служитъ? Можетъ быть, мы пролагаемъ окольный и безцѣльный путь, основываемъ городъ на безлюдномъ островѣ? Можетъ быть, ближайшее поколѣніе пойдетъ вовсе не туда, оставитъ насъ въ сторонѣ, какъ памятникъ безплоднаго стремленія людей къ ненужной цѣли? Ахъ, эта мысль рѣжетъ сердце, жжетъ мозгъ! Но что дѣлать, вѣдь и это возможно! Мы должны быть готовы и къ такой крайности, и еслибы нашъ путь оказался несогласнымъ съ естественными законами всеобщаго развитія, съ вѣчными человѣческими стремленіями къ добру и всеобщему счастью,—тотчасъ надо вернуться...

— А пока надо итти впередъ! Только бы на волю скорѣй! Что можно будетъ сдѣлать, то и сдѣлаемъ. Только бы по совѣсти, искренно и съ умомъ, а о прочемъ не будемъ заботиться!..

XII.

Наступила ночь. Спятъ арестанты, тяжело дыша густымъ, спертымъ воздухомъ. Порой то тотъ, то другой закашляется долгимъ, сухимъ кашлемъ, повернется на другой бокъ, вздохнетъ глубоко или вскрикнетъ во снѣ. Въ камерѣ густая тьма, потому что и на дворѣ тучи и душно, а издали изъ за рѣки Дила грохочетъ дальній громъ.

Одинъ Бовдуръ не спитъ. Въ его душѣ еще темнѣе, чѣмъ въ камерѣ, только утомленныя долгимъ страданіемъ, заглушенныя водкой мысли не текутъ, воспоминанія не шевелятся. Онъ сидитъ въ своемъ логовищѣ и держитъ въ рукѣ ножъ Андрея съ длиннымъ садовымъ клинкомъ. Его пальцы время отъ времени щупаютъ этотъ клинокъ, будто испытывая, достаточно ли онъ остеръ. Все его тѣло дрожитъ какой то тревожной дрожью, обливается холоднымъ потомъ. Онъ ждетъ, пока совсѣмъ затихнетъ въ камерѣ и на дворѣ, ждетъ глухой полночи.

— Тамъ громъ,—бормочетъ Бовдуръ,—подъ громъ крѣпче спится. И я заснулъ бы... Ахъ, заснуть бы такъ надолго, навсегда!.. А кто-то нынче тутъ такъ уснетъ!

Эта фраза поразила его своей неожиданной рѣзкостью, онъ вздрогнулъ и замолчалъ.

— Фу ты,—началъ онъ опять черезъ минуту, — что это за дьявольская штука—слова! Вотъ скажи только этакое дурацкое слово и вдругъ весь оцѣпенѣешь, будто нивѣсть что сдѣлалъ. А думай только безъ словъ и ничего можно. Къ самому страшному глаза привыкаютъ, а ухо—бѣда, сейчасъ бунтуетъ!..

— Э, да что тамъ. все это пустяки, лишь бы деньги! А подумаешь, право, какъ люди глупы. Вотъ и этотъ... Столько у него денегъ, а развѣ онъ смыслить употребить

ихъ съ пользой для себя? купить что-нибудь и самъ не ѣсть! Я бы не такъ! Эхъ, я бы еще пожилъ на нихъ, хоть нѣсколько дней! И поживу, ей-ей поживу! А что, не пора ли уже?..

Онъ поднялся и началъ прислушиваться. Сначала ничего не было слышно, а потомъ на крыльцѣ заговорили грубыми голосами сторожа—полицейскіе.

— Ну, что же,—спрашивалъ одинъ,—не застали уже бѣдняги въ живыхъ?

— Нѣтъ, сейчасъ какъ прибѣжали, такъ еще былъ чуть теплый. Да гдѣ тамъ! Горло до самой кости перерѣзано.

— Господи,—пробормоталъ другой,—видно, ужъ конецъ свѣта приближается! Такой народъ—подлецъ становится, такъ другъ противъ дружки враждуетъ, братъ брату жить не даетъ! Ну, какъ только у него духу хватило, такого молоденькаго...

Тутъ раздался сильный громъ, и Бовдуръ не дослышалъ словъ полицейскаго. Онъ съежился въ углу и стучалъ зубами; ему казалось, будто полицейскіе отгадали его замыслы и вотъ-вотъ придутъ его вязать, живьемъ рубить. Онъ бессильно опустилъ руки. Ножъ упалъ на полъ. Стальной звукъ испугалъ его хуже, чѣмъ громъ. Онъ сѣлъ въ углу, согнулся и закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобы никакія внѣшнія впечатлѣнія не достигали до него. Самъ не зная, когда и какъ, онъ на минуту задремалъ.

Вдругъ онъ проснулся и едва не закричалъ во все горло. Ему снилось, что онъ бредетъ черезъ кровавую рѣку, какъ вдругъ нечаянно попалъ на глубину и ухнулъ туда. Кровь кипучая, теплая, живая, злорадно плещетъ и бурля вокругъ него, залиываетъ его, покрываетъ все тѣло, ротъ, глаза. Онъ хочетъ спастись, но чувствуетъ, что кровь, словно тягучая смола, опутала его тѣло, сковала руки и ноги. Тутъ онъ проснулся.

— Ухъ, что за страшный сонъ! Инда жарко стало,

вспотѣлъ даже. Да что тамъ сонъ, пустой туманъ!.. Ну, теперь, пожалуй, ужъ пора?...

Онъ опять всталъ и долго прислушивался. Ничего не слышно, кромѣ дыханія спящихъ. Онъ наклонился и началъ шарить по полу, ища ножъ, какъ вдругъ, точно ужаленный, поднялъ руку вверхъ. Онъ схватилъ было стараго еврея за горло и почувствовалъ, какъ подъ его пальцами забила, будто, живая, кровь въ жилахъ, и гортань забѣгала, будто встревоженная его прикосновеніемъ.

— Накажи тебя Христось, жидюга!—заворчалъ Бовдуръ,—вотъ испугался проклятой псины, словно змѣю рукой схватилъ. Тьфу на тебя!

И онъ опять нагнулся, пошарилъ и нашелъ ножъ. Потомъ тихонько, на цыпочкахъ началъ пробираться къ той кровати, гдѣ спалъ Андрей. Онъ прежде всего обшарилъ его, не спитъ ли онъ, обнявшись съ Мытромъ, увидя же, что нѣтъ, смѣло взялъ Андрея за талию, поднялъ вверхъ, какъ ребенка, и легко, осторожно положилъ на полъ.

— Вотъ такъ, здѣсь лучше,—бормоталъ онъ,—будетъ трепыхаться, такъ не разбудитъ другихъ.

Андрей крѣпко спалъ. Только прикоснувшись къ мокрому полу головой, онъ встрепенулся и вскрикнулъ во снѣ: —Ганя, помоги!..

Бовдуръ, думая, что онъ проснулся, быстро налегъ колѣномъ на его грудь, лѣвой рукой схватилъ за горло, а правой рѣзанулъ изо всѣхъ силъ. Андрей затрепеталъ и крикнулъ, но негромко, потому что горло было сдавлено. Кровь хлынула на руки Бовдура. Тотъ взмахнулъ ножомъ еще разъ, чувствуя, что Андрей сильно бьется въ судорогахъ.

— Гдѣ деньги? Давай деньги!—шепталъ онъ надъ Андреемъ.

— Ахъ!—стоналъ Андрей,—въ староствѣ... отня...

Онъ не кончилъ. Остріе ножа въ ту минуту перерѣзало гортань, перерѣзало жилы до самой кости. Кровь брызнула сильнѣе, движенія тѣла становились все слабѣе, пока вовсе не прекратились. Андрея Темеры не стало... А

его мысли, его надежды, погибли ли и онъ вмѣстѣ съ нимъ? Нѣтъ! потому что эти мысли принадлежатъ всему человѣчеству и, лелѣя ихъ, онъ былъ только маленькой частицей всего человѣчества. А человѣчество тѣмъ только и живетъ, что однѣ его частицы постоянно погибаютъ, а вмѣсто нихъ новыя нарождаются...

А Бовдуръ стоялъ около него на колѣняхъ, какъ пораженный громомъ. Деньги отняты въ староствѣ,—значить, онъ напрасно зарѣзалъ Андрея! Словно завѣса спало ослѣпленіе съ его глазъ... Что онъ сдѣлалъ?... За что онъ лишилъ жизни это молодое существо? Что за проклятое колдовство попутало его?.. Онъ долго стоялъ въ оцѣпенѣніи надъ трупомъ Андрея, безъ мысли, безъ движенія, какъ будто и самъ былъ трупъ. Его правая рука все еще держала ножъ, а лѣвая, купаясь въ крови Андрея, сжимала молодое холодбующее горло.

Вдругъ чья-то холодная рука тронула его за плечо и глубокій сонный голосъ сказалъ:—Ты что тутъ дѣлаешь, Бовдуръ?

Это былъ голосъ Стебельскаго, котораго разбудилъ стонъ Андрея.

Бовдуръ ничего не отвѣтилъ, не дрожалъ, не боялся,—онъ, словно каменный, стоялъ на колѣняхъ надъ трупомъ Андрея.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—допрашивалъ Стебельскій, тряся Бовдура за голое плечо, почему ты не спишь?

Казалось, слова Стебельскаго и прикосновеніе его холодной руки мало-по-малу пробуждали Бовдура отъ его оцѣпенѣнія. Онъ пошевелился, поднялъ голову, глубоко вздохнулъ и сказалъ кроткимъ, почти веселымъ голосомъ, въ которомъ не было и слѣда прежней жестокости:—Постой, увидишь комедію.

— Да какую же?—спросилъ тихо Стебельскій.

— Ну, ужъ тамъ увидишь. Онъ всталъ, перешагнулъ черезъ трупъ, подошелъ къ двери и застучалъ изо всѣхъ силъ обѣими руками, словно колотушками, въ дверь. Этотъ

внезапный и рѣзкій грохотъ заглушилъ шумъ грозы на дворѣ. Всѣ арестанты вскочили.

— Что тутъ такое? Что тутъ такое? спрашивали всѣ въ тревогѣ.

— А гдѣ баринъ? Гдѣ господинъ Темера?—спрашивалъ Мытро, не чувствуя около себя Андрея.

Но Бовдуръ не слушалъ этихъ разспросовъ и, стоя у двери, колотилъ кулаками, что было мочи.

— Да ты никакъ рехнулся?—кричалъ дѣдъ Панько,—чего ты лупишь? Къ чему это?

— Да вотъ для какой то комедіи—отвѣтилъ Стебельскій,—только неизвѣстно для какой.

Изъ дежурной комнаты донесся крикъ и ругань. Это проснулся капраль, схватилъ фонарь и въ одномъ бѣльѣ, какъ былъ, примчался къ двери.

— Какіе тутъ черти грохочутъ?—кричалъ онъ.—Чтобъ у тебя въ брюхѣ загрохотало! Чего надо?

— Отвори!—крикнулъ Бовдуръ, не переставая стучать.

— Да перестанешь ли ты, рвань проклятая! Вѣдь ужъ какъ я отворю, такъ не даромъ!

— Отвори! Слышишь?—не унимался Бовдуръ и грохнулъ кулакомъ въ заклепанный волчокъ такъ, что онъ разбился, и щепки полетѣли въ противоположную стѣну.

— Ахъ, ты, мерзавецъ!—озлился капраль и, поставивъ на землю фонарь, принялся отпирать замокъ, все время задыхаясь отъ злости, такъ какъ Бовдуръ все время, не переставая, билъ въ дверь. Но какъ только капраль пріотворилъ дверь и наклонился взять фонарь, Бовдуръ распахнулъ ее настежь и стиснутымъ кулакомъ со всей силы треснулъ капрала въ переносицу такъ, что тотъ брякнулся безъ сознанія на коридорный полъ, а фонарь выпалъ изъ его рукъ, разбился и потухъ.

— Я тебѣ говорилъ, песъ, отвори! Ты не спѣшилъ! Ну, вотъ и получилъ!—приговаривалъ Бовдуръ, держа дверь отворенной.

— Карауль! Помогите! Бунтъ! Карауль!—заголосилъ капралъ.

Прибѣжали полицейскіе съ фонарями.

— Ахъ, ты, Бовдуръ проклятый, что ты дѣлаешь?—закричали они, бросаясь на него.

— Свѣчу изъ подъ темной звѣзды этому свинтусу—отвѣтилъ спокойно Бовдуръ,—пусть пошевеливается.

Полицейскіе, какъ звѣри, накинулись на Бовдура, но тотъ однимъ прыжкомъ очутился въ камерѣ. Толпа ворвалась за нимъ съ фонарями. Но какъ скоро давно невиданный свѣтъ упалъ желтымъ пятномъ на средину камеры, всѣ полицейскіе стали, какъ вкопанные, и невольно ахнули. Посреди камеры, плавая въ крови, лежалъ трупъ Андрея, а около него стоялъ на колѣняхъ Бовдуръ и мочилъ руки въ его крови.

— Это я, это я сдѣлалъ,—говорилъ тихо Бовдуръ,—не вѣрите? Вотъ, смотрите, ножъ его собственный.

— Да за что же ты, нехристь, жизни его рѣшилъ?—спросилъ дѣдъ Панько.

Но Бовдуръ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, какъ будто не слышалъ или не понималъ его. Онъ стоялъ на колѣняхъ надъ трупомъ и всматривался въ его блѣдное, еще и по смерти красивое лицо. И странная переменна происходила въ Бовдурѣ. Его собственныя черты лица, казалось, становились болѣе мягкими и кроткими... Въ глазахъ потухъ гнилой блескъ тлѣющей трухлятины... Угрюмыя, гнѣвныя складки на лбу разглаживались. Казалось, будто человѣческій духъ вновь вселяется въ это тѣло, бывшее до сихъ поръ обиталищемъ какого то бѣса, какой то дикой звѣрской души. И вдругъ слезы градомъ полились изъ глазъ Бовдура... Онъ припалъ лицомъ къ залитому кровью лицу Андрея и страшно зарыдалъ.

— Братъ мой! Что я сдѣлалъ съ тобой? за что я жизнь твою загубилъ? Святая, чистая душа, прости меня безчеловѣчнаго! Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ! Го поди! что я сдѣлалъ!..

Съ минуту еще стояли арестанты и полицейскіе,

словно околдованные этимъ потрясающимъ зрѣлищемъ, и слушали причитанія Бовдура. Но вскорѣ они опомнились.

— Собирайся, молодчикъ! — сказали полицейскіе, — тебѣ уже здѣсь не мѣсто. Пора перейти на другую квартиру. Теперь не время плакать!

Бовдуръ поднялъ глаза и гнѣвно, съ болью взглянулъ на нихъ.

— Будьте вы прокляты, крючки, — сказалъ онъ, — вотъ посмотрите! — и онъ приложилъ руку къ зіяющей ранѣ Андрея, дѣля ее ладонью поперекъ на двѣ половины: — вотъ смотрите, это моя половина, а это ваша! Это моя, а то ваша! не бойтесь, тутъ я поплачусь одинъ за обѣ, но тамъ еще есть Богъ. Онъ справедливъ, Онъ сумѣетъ распознать, которая моя половина, а которая ваша!..

Зазвенѣли желѣзныя цѣпи, и Бовдуръ далъ надѣть ихъ на себя безъ сопротивленія. Между тѣмъ, арестанты крестились и читали молитвы надъ трупомъ, только Мытро плакалъ въ уголкѣ. Стебельскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, молчалъ-молчалъ, а потомъ вдругъ заговорилъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Что, господинъ? Богу душу отдалъ?

Не слыша отвѣта на этотъ вопросъ, онъ обернулся къ Бовдуру и, указывая на него рукой, сказалъ:

— Пусть гибнетъ человѣкъ, лишь бы росло чувство человѣчности!

Но не находя возможности усмотрѣть на лицахъ окружающихъ ни похвалы ни порицанія своей премудрости, онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и легъ спать.

Короленко — Прямышъ	2 к.
Дмитріевъ — Майча зира	3 к.
Чариковъ — Маленькій	1 к.
Ахзаровъ — Баргажотъ и	1 1/2 к.
Петеръ — Исторія черн. сюр-	1 к.
Крандіевская — Для души	2 к.
М. Чириковъ — Свинья	2 к.
В. Немировичъ-Данчен-	3 к.
Старый замокъ	3 к.
И. Свирскій — Забракованный	2 к.
Костинъ — Ошибка	3 к.
И. Дмитриева — Ее всѣ знаютъ	3 к.
М. Станюковичъ — За „Щуп-	2 к.
какого“	2 к.
И. Митропольскій — Вода	2 к.
Серафимовичъ — Местъ	3 к.
Мальшичъ — Искорка	3 к.
Мальшичъ — Чортовъ Яръ	4 к.
И. Андреевъ — Гостинець	2 к.
И. Андреевъ — Петька на дачѣ	2 к.
И. Дмитриева — Мама на войнѣ	3 к.
И. Андреевъ — Въ Сабуровѣ	2 к.
И. Яблоновскій — Страховка	2 к.
И. Ивашева — Мой день	2 к.
Короленко — Ночью [съ рис-	5 к.
земь]	5 к.
И. Тимковскій — Среди людей	5 к.
И. Русова — Біографія Гари-	4 к.
Гарди [съ портр.]	4 к.
И. Семеновъ — Отчего Параш-	3 к.
ка не выучилась грамотѣ	3 к.
И. Златоврагскій — Мечтатели	4 к.
И. Буричъ — Ночная смѣна	3 к.
И. Овешко — Медали	3 к.
И. Шкневичъ — Хаимка и Юська	2 к.
И. Вересаевъ — Въ пути	1 к.
И. Франко — Самъ виноватъ	1 1/2 к.
И. Алексѣевъ — Изъ-за хлѣба на-	1 1/2 к.
дѣлаго. „Лишній“	1 1/2 к.
И. Серафимовичъ — Стрѣлочникъ	3 к.
И. Вересаевъ — Въ сухомъ туманѣ	2 к.
И. Митропольскій — Отсрочка	1 к.
И. Яблоновскій — Удружилъ	1 к.
И. Франко — Хорошій зара-	1 к.
ботокъ	1 к.
И. (перев. съ арм.)	1 1/2 к.
И. — Поденщикъ	2 к.
И. Яковлевъ и Н. Античъ — Из-	4 к.
бранные стихотворенія	4 к.
И. Буничъ — Байбаки	3 к.
И. Петровскій — Не дался	1 к.
И. Дмитриева — Бѣлыя	2 к.
И. Серафимовичъ — Въ	2 к.
И. Яблоновскій — Конокри	3 к.
И. Франко — На днѣ	2 к.
И. сицилійск. крестьяне улу-	3 к.
жили свое положеніе	3 к.

49 В. И. Немировичъ-Данчен-	3 к.
Воскресная пѣснь	3 к.
50 В. Вересаевъ — Пожуріе	4 к.
51 И. И. Яблоновскій — Деревня	3 к.
Печальная	3 к.
52 И. И. Дмитриева — Волки	3 к.
53 Серафимовичъ — Степные люди	3 к.
54 И. Митропольскій — На плотяхъ	3 к.
55 Короленко — Черкесь (съ 2 рис.)	4 к.
56 В. Вересаевъ — Звѣзда (восточн.	1 1/2 к.
сказка)	1 1/2 к.
57 Н. Д. Телешовъ — Противъ обычая	2 к.
58 Яблоновскій — Въ консультаціи	3 к.
59 Пѣсни труда	5 к.
60 Темный — Сироткинъ (изъ жизни	3 к.
рабочихъ)	3 к.
61 Только часть. А. Крандіевской	10 к.
и др. рассказы	10 к.
62 И. Буничъ — Надъ городомъ	1 к.
63 Елпатыевскій — Отлетаетъ мой	2 к.
соколикъ (изъ сибирск. жизни)	2 к.
64 К. Станюковичъ — Эмигрантъ	3 к.
65 Избранные стихотворенія С. Я.	3 к.
Надсона и др. поэтовъ	3 к.
66 Л. Андреевъ — Ангелочекъ	3 к.
67 Л. Андреевъ — Жили-были	3 к.
68 Скиталець — Атаманъ	2 к.
69 Серафимовичъ — Въ камышахъ	3 к.
70 Н. Рубакинъ — Дѣдушка Время	7 к.
71 А. Яблоновскій — Завѣтная	3 к.
мечта	3 к.
72 С. Елпатыевскій — Присяжнымъ	2 к.
засѣдателемъ	2 к.
73 Вересаевъ — Къ спѣху	1 к.
74 А. Серафимовичъ — На льдинѣ	3 к.
75 Л. Мальшичъ — Маленькіе люди	4 к.
76 Е. И. Булгакова — Что за страна	5 к.
Японія	5 к.
77 Яковлева — Свидѣтель	8 к.
78 Н. Д. Телешовъ — Хлѣбъ-соль	1 1/2 к.
79 С. Русова — На счастливыхъ остро-	6 к.
вахъ	6 к.
80 В. Г. Короленко — Соколинецъ	7 к.
81 Е. Н. Чириковъ — Коля и Коляка	2 к.
82 С. Елеонскій — Огорченіе	3 к.
83 С. Русова — Братья Гракки	3 к.
84 Н. Телешовъ — Нужда	1 1/2 к.
85 Избр. стихотв. Алексѣя Толстого	3 к.
и др. поэтовъ	3 к.
86 Молодая жизнь	7 к.
87 Э. Золя — Кровь	3 к.
88 Тацъ — Елка въ Америкѣ	3 к.
89 Г. И. Успенскій — Будка	3 к.
90 В. Г. Короленко — Мгновенно и	3 к.
Смѣлки	3 к.
91 Бѣлое море. Сборн. стих.	3 к.
92 В. И. Давыдовъ — Соловьиная	1 к.
пѣснь	1 к.
93 И. И. Яблоновскій — Страшная	1 1/2 к.
мечта	1 1/2 к.

94 О. Мирбо—Броаяга	1 к.	129 Конопляцкая-менделѣвская	12 к.
95а Голодъ властелинъ	12 к.	130 А. Пругавинъ—Милліонъ	8 к.
96 И. Н. Тимковскій—Травля	5 к.	131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь	2 к.
97 Наживинъ—Волось Мадонны	1 к.	132 Гази—Благо, зорительность	2 к.
98 Н. Фраяко—Къ свѣту	3 к.	133 Какъ люди живутъ	3 к.
99 Е. Чивизовъ—Въ отставку	7 к.	134 Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу	3 к.
100 Зарницы—Сборникъ стихотвореній	5 к.	135 Короленко—Чудная	3 к.
101 Л. Андреевъ—На станціи	1 к.	136 Бакурцевъ—Какъ выбирать народн. представителей	1 к.
102 И. Бунинъ—На край свѣта	1 1/2 к.	137 Разрушенный молъ	1 к.
103 Н. Рубанинъ—Искорки	5 к.	138 Успенскій—Неизлѣчимый	5 к.
104 В. Короленко—Марусина заимка	10 к.	139 Бунинъ—Черноземъ	3 к.
105 П. Я. (Л. Мельшинъ)—Избранныя стихотворенія	6 к.	140 Л. Андреевъ—Предстояла кража	1 1/2 к.
106 Л. Н. Андреевъ—Въ Темную даль	3 к.	141 Конопляцкая—Дымъ	1 1/2 к.
107 Л. Н. Андреевъ—Валя	2 к.	142 Национальное собраніе	1 1/2 к.
108 В. Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3 к.	143 Что надо знать солдату	2 к.
109 В. Короленко—Послѣдній лучъ	3 к.	144 Мѣстное самоуправленіе	3 к.
110 В. Короленко—Морозъ	4 к.	145 Права челоѣка и гражданина	1 1/2 к.
111 Л. Мельшинъ—Въ плѣну	3 к.	146 Въ странѣ свободныхъ крест. (Норвегія)	2 к.
112 М. Сибирякъ—Въ худыхъ душахъ	4 к.	147 Бирскій—Безъ исхода	3 к.
113 Чириковъ—Танино счастье	5 к.	148 О земельномъ вопросѣ въ Нов. Зеланд.	2 к.
114 Н. Рубанинъ—Книгоноша	12 к.	149 Сонъ подъ 1-е мая	3 к.
115 Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3 к.	150 Пауки и мухи (на рус. и малорос. яз.)	1 к.
116 Л. Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3 к.	151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ	5 к.
117 И. Наживинъ—Ложь	1 1/2 к.	152 Хватитъ ли на всѣхъ земли	2 к.
118 Суздальцевъ—Ослеръ, другъ фабричныхъ дѣтей	3 к.	153 Что такое государственная роспись	1 к.
119 Крюковъ—Въ родныя мѣста	5 к.	154 Областное народоправіе	1 к.
120 В. Г. Короленко—Государевы ямщики	7 к.	155 Национальн. рад. (на малорос.)	1 к.
121 М. Конопляцкая—Яктонъ	1 1/2 к.	171 Серафимовичъ Подъ землей	3 к.
122 А. Яблоневскій—Нухимъ	3 к.	172 О. Зиновичъ въ чертѣ осѣлости	1 1/2 к.
123 П. Буташинъ—Случай № 212	1 к.	173 Из. Наживинъ Братья	2 к.
124 С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу	6 к.		
125 В. Короленко—На затменіи	3 к.		

**Склады книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., № 42.**

С.—Петербургъ, Спасскій переулокъ, № 5.

Лица, выписывающія на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (проектъ вѣнги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, книж. магаз. Путиловой
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ, въ Саратовѣ и Харьковѣ въ книжныхъ складахъ губернскихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь“.

